

Кэсс Морган
Возвращение домой
Серия «Сотня», книга 3

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964403
Сотня. Возвращение домой: АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-089284-6

Аннотация

Продолжение нашумевшего романа Кэсс Морган «Сотня», по которому снимается одноименный сериал. Весь мир напряженно следит за судьбами сотни трудных подростков, участвующих в жестоком эксперименте по колонизации Земли, много лет пустовавшей после экологической катастрофы.

За несколько недель, которые сотня провела на Земле, ребятам удалось создать оазис порядка среди царящего вокруг хаоса. Хрупкое равновесие нарушается, когда из космоса прилетают счастливицы, которым повезло покинуть Колонию, где почти не осталось кислорода. Однако везение Гласс, похоже, на этом и заканчивается. Кларк становится одним из лидеров спасательной экспедиции к месту крушения челноков новой партии колонистов, но ее не оставляют мысли о родителях, которые, возможно, остались в живых. Между тем Уэллс старается сохранить свой авторитет, несмотря на присутствие Вице-канцлера и его вооруженных охранников, а Беллами оказывается перед выбором: бежать из лагеря или держать ответ за преступление, которое, казалось бы, осталось в прошлом.

Сотне пора объединиться и вступить в борьбу за свободу, обретенную на Земле, в противном случае они рискуют потерять всех, кого любят.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кэсс Морган

Сотня. Возвращение домой

® Марина Акинина, обложка, 2015

® Ольга Кидвати, перевод, 2015

® ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Эта книга – плод воображения автора. Все имена, персонажи, места и ситуации вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями, географическими объектами и людьми, как умершими, так и ныне здравствующими, являются случайностью.

*Посвящается Жоэль Хобейка, чье воображение привносит в жизнь вымысел и заставляет сумасшедшие мечты становиться явью.
И Энни Стоун, выдающемуся редактору.*

Глава первая

Гласс

Руки Гласс были липкими от маминой крови. Осознание происходящего приходило медленно, как сквозь густой туман, — казалось, будто это чьи-то чужие руки, а кровь просто привиделась в кошмарном сне. Но руки принадлежали ей, и они действительно были в крови.

Гласс чувствовала, как правая ладонь прилипает к подлокотнику ее кресла в первом ряду челнока. Потом она ощутила, что кто-то крепко сжимает ей левую руку. Это был Люк. Он не выпускал ладонь Гласс с того самого момента, как силой оторвал возлюбленную от тела матери и усадил на место. Пальцы Люка впились ей в руку с такой силой, словно молодой человек пытался таким образом избавить Гласс от пульсирующей боли, приняв ее на себя.

Гласс постаралась сосредоточиться на тепле его руки, на том, как крепко он сжимал ее пальцы, не отпустив их даже тогда, когда челнок заходил ходуном, оказавшись в гравитационном поле Земли.

Всего несколько минут назад мама сидела в соседнем кресле и вместе с Гласс ждала встречи с новым миром. А теперь мама мертва, застрелена обезумевшим охранником, который отчаянно бился за место на последнем челноке, покидающем обреченную Колонию. Гласс изо всех сил зажмурилась, чтобы избавиться от навязчивого кошмара, вновь возникшего перед ее внутренним взором: вот мама медленно сползает на пол, вот сама Гласс опускается рядом, слыша тяжелое дыхание и стоны. Гласс бессильна, она ничего не может сделать, чтобы остановить кровотечение. Вот она сидит, положив мамину голову себе на колени, и, с трудом сдерживая рыдания, произносит слова любви. Вот по Сониному платью расползается темное пятно, а жизнь тем временем покидает ее тело, и Гласс слышит последние мамины слова: «Я так горжусь тобой». А потом из лица матери уходит жизнь.

Но Гласс не могла избавиться от возникавших в мозгу образов, как не могла изменить реальность. Мама мертва, а они с Люком мчатся сквозь космос в корабле, который вот-вот потерпит крушение, ударившись о поверхность Земли.

Челнок отчаянно грохотал и дергался, его мотало из стороны в сторону. Гласс едва ли замечала это. Она смутно ощущала, что ее тело швыряет туда-сюда, и в ребра впивается металлическая пряжка ремня безопасности, но боль от смерти матери ранила куда сильнее.

Раньше горе представлялось ей каким-то тяжким грузом — и это в том случае, если она вообще давала себе труд подумать на подобную тему. Та, бывшая Гласс склонна была заикливаться на страданиях других людей. Все изменилось, когда умерла мать Уэллса. Девушка видела, как ее лучший друг бродит по кораблю, словно придавленный огромной, неподъемной, но невидимой ношей. Однако сама Гласс сейчас чувствовала себя иначе — опустошенной, полрой. Из нее словно бы выскоблили все чувства. О том, что она все еще жива, напоминали только крепкие пальцы Люка на ее руке.

Со всех сторон на Гласс напирала люди. Все сиденья были заняты, а оставшееся пространство в салоне челнока было плотно набито мужчинами, женщинами и детьми. Они держались друг за друга, чтобы не потерять равновесия, хотя это было совершенно излишне — в волнообразно колышущейся массе, состоящей из человеческой плоти и беззвучных слез, падать все равно было некуда. Кто-то шептал имена близких, которые остались на корабле, кто-то неистово тряс головой, отказываясь смириться с мыслью о том, что пришлось навсегда распрощаться с любимыми.

Панике не поддался один-единственный человек, сидевший справа от Гласс, Вице-канцлер Родос. Он смотрел прямо перед собой, то ли не замечая отчаянного смятения на лицах людей, то ли игнорируя его. На миг горе Гласс отступило, его затмила вспышка негодования. Отец Уэллса, Канцлер, сейчас делал бы все, что в его силах, лишь бы успокоить людей, если он вообще позаботился бы о том, чтобы занять место в челноке. Хотя Гласс, разумеется, была не вправе судить Вице-канцлера. Она оказалась здесь только благодаря Родосу, который потащил их с матерью за собой, прорываясь к челноку.

Сильный толчок отшвырнул Гласс к спинке ее кресла, когда челнок вдруг резко тряхнуло, потом он накренился набок почти на сорок пять градусов, а потом вернулся в прежнее положение, продолжая свое выворачивающее все внутренности падение. Все разом ахнули, но громче всего прозвучал детский вопль. Когда металлический каркас челнока начал прогибаться, словно от удара гигантского кулака, кое-кто закричал. Разрывая барабанные перепонки, салон наполнил высокий металлический визг, заглушающий и крики, и испуганные рыдания.

Гласс вцепилась одной рукой в подлокотник кресла, а другой – в руку Люка, ожидая, что ее вот-вот накроет волна ужаса. Однако этого не произошло. Она знала, что должна бы испугаться, но события последних дней притупили чувства, девушка будто оцепенела. Ей пришлось тяжело, когда в Колонии стало не хватать кислорода, а ее дом словно развалился на части. И когда она решилась на безумный нелегальный поход через открытый космос с Уолдена на Феникс, где пока еще можно было дышать. Но все, через что прошла Гласс, меркло перед тем, как она сама, мама и Люк прорывались на челнок. Однако теперь ей было плевать на то, что она, возможно, никогда не увидит Земли. Пусть все закончится для нее сейчас, это лучше, чем просыпаться каждое утро и вспоминать о том, что мамы больше нет.

Покосившись на Люка, она увидела, что тот с каменным, полным решимости лицом смотрит прямо перед собой. Может, он старается быть храбрым ради нее? Или охранников специально учат соблюдать спокойствие в экстремальных ситуациях? Люк заслуживает лучшей участи, чем эта. Неужели после всего, через что ему пришлось пройти ради Гласс, он обречен на такую вот кончину? Неужели они спаслись от верной смерти в Колонии лишь для того, чтобы теперь сломя голову мчаться навстречу иной, но столь же ужасной судьбе? Переселение человечества на Землю не планировалось в течение еще как минимум столетия. За это время ученые должны были убедиться, что радиация, царящая на планете после Катаклизма, сошла на нет. Их возвращение на родину, их отчаянный исход сулил одну лишь неопределенность.

Гласс бросила взгляд на ряд маленьких иллюминаторов в борту корабля. За каждым из них клубились серые тучи. Есть в этом какая-то странная красота, подумала она, и тут один из иллюминаторов внезапно лопнул. По салону разлетелись осколки раскаленного стекла и металла, а в образовавшееся отверстие ворвалось пламя. Люди, оказавшиеся к нему ближе всего, рванулись кто в сторону, кто вниз, но в такой тесноте им некуда было деться. Отшатнувшись назад, они попадали на тех, кто стоял за их спинами. Ноздри Гласс обжег острый запах горячего металла, но его перебила какая-то другая вонь... и Гласс с растущим ужасом поняла, что так пахнет поджаривающаяся плоть.

С трудом повернув голову, Гласс снова посмотрела на Люка. В этот миг она не слышала ни воплей, ни рыданий, ни скрежета металла, не думала о так недавно испутившей последний вздох матери. Сейчас она могла лишь смотреть сбоку на безупречный профиль Люка и его волевой подбородок, на черты, которые она, приговоренная к смерти, так часто вспоминала в Тюреме, дожидаясь казни, которая должна была состояться в день ее восемнадцатилетия.

К реальности ее вернуло скрежетание металла о металл. Проникая через барабанные перепонки, оно пробиравало до костей, до печенок. Крышу корабля снесло, словно та была всего лишь куском ткани, Гласс сжала зубы и в ужасе беспомощно огляделась по сторонам.

Потом она заставила себя снова повернуться к Люку. Его глаза были закрыты, но рука лишь сильнее сжимала ее пальцы.

– Я люблю тебя, – сказала Гласс, но ее слова потонули в шуме и криках.

А потом челнок с зубодробительным треском рухнул на Землю, и все почернело.

До слуха Гласс издалека донесся низкий утробный стон. Никогда прежде не слышала она такого исполненного страдания звука. Гласс попыталась открыть глаза, но даже это крошечное усилие вызвало тошнотворное головокружение. Она сдалась и позволила себе снова провалиться в темноту. Прошло несколько мгновений. Или, может быть, несколько часов? Гласс вновь попыталась вырваться из умиротворяющей тишины и вернуться в сознание. Целую блаженную, неверную миллисекунду она понятия не имела, где находится. Первое, на чем ей удалось сосредоточиться, был шквал странных запахов. Гласс даже не знала, что можно обонять столько всего сразу. Кое-какие ароматы она вроде бы помнила по соляным плантациям (именно там они любили встречаться с Люком), однако тут запахи были в тысячу раз сильнее, в них чувствовалась какая-то сладость, но не такая, как у сахара или духов, а глубже, богаче. С каждым вдохом ее мозг приходил во все большее возбуждение, сию же минуту осмыслить этот водоворот запахов. Пахло чем-то пряным. Металлическим. А потом еще один знакомый запах потряс ее и заставил мозг проснуться. Запах крови.

Глаза Гласс распахнулись. Она находилась в каком-то очень просторном помещении, настолько большом, что невозможно было увидеть стены, а усыпанный звездами потолок, казалось, находился в нескольких милях над головой. Постепенно все в ее сознании встало на свои места, и оторопь сменилась благоговением. Она, Гласс, смотрит на небо – настоящее земное небо, – и она жива. Но это ощущение длилось всего несколько мгновений, сменившись паникой, когда мозг пронзила внезапная мысль: «Где же Люк?» Она взяла себя в руки и резко села, не обращая внимания на тошноту и боль, которые общими усилиями порывались вновь свалить ее на землю.

– Люк! – выкрикнула она, вертя головой и молясь о том, чтобы увидеть его знакомую фигуру среди множества незнакомцев. – Люк!

Но ее зов потонул в усиливающейся мешанине стонов и криков. «Почему никто не включит свет?» – обалдело подумала Гласс, а потом вспомнила, что они на Земле. Тускло мерцали звезды, а луна давала достаточно света, чтобы Гласс поняла: стонущие, мечущиеся темные фигуры принадлежат ее недавним попутчикам. Наверное, это просто кошмарный сон. Тут все совсем не так, как должно быть на Земле. Это не то место, за которое стоит умереть. Она снова позвала Люка, но не получила никакого ответа.

Ей надо было встать, но мозг словно утратил связь с мышцами, а тело казалось странно тяжелым, словно к конечностям были привязаны невидимые гири. Похоже, земное тяготение сильнее того, к которому она привыкла, – или, может быть, она ранена? Гласс провела ладонью по ноге и задохнулась, потому что та была мокрой. Неужели у нее кровотечение? Она посмотрела вниз, заранее боясь того, что могла увидеть. Штанины оказались разодранными, а ноги – сильно исцарапанными, но никаких ран видно не было. Гласс коснулась руками пола – нет, *земли* – и задохнулась. Она сидела в воде, которая текла куда-то в невероятную даль, скрываясь в тени деревьев. Гласс моргнула, ожидая, что глаза перенастроятся, и ее взору предстанет что-то более осмысленное, но картинка не изменилась. *Озеро* – медленно всплыло в сознании нужное слово. Она сама сидела с краю, то есть *на берегу* земного озера, и этот факт был для нее таким же сюрреалистическим, как и все, что ее окружало. Когда Гласс озиравалась по сторонам, она видела сплошные ужасы. Изувеченные, изуродованные

тела на земле. Раненые, которые кричали и молили о помощи. Искореженные дымящиеся обломки челноков, приземлившихся буквально в нескольких метрах друг от друга, их рас-трескавшиеся, расколотые корпуса. Люди подбегали к тлеющим руинам кораблей и выносили на плечах что-то тяжелое, обездвиженное.

А кто вынес ее? И если это был Люк, то где он теперь?

Гласс заставила себя встать на дрожащие, подкашивающиеся ноги. Она напрягла колени, чтобы не упасть, и взмахнула руками, удерживая равновесие. Гласс стояла в ледяной воде, и по ногам бежал кверху озноб. Она сделала глубокий вдох, почувствовала, что в голове слегка прояснилось, хотя ноги по-прежнему дрожали, и сделала несколько неуверенных шажков, спотыкаясь о камни.

Гласс опустила глаза, и у нее перехватило дыхание. Лунного света хватало, чтобы заметить, что вода окрашена темно-розовым. Неужели после Катаклизма цвет воды в озерах изменился из-за загрязнения и радиации? А может, в этих местах природный цвет воды именно такой, розовый? Она всегда была не слишком внимательна на уроках географии Земли и с каждой секундой все больше и больше об этом сожалела. Но отчаянный крик раненого, лежащего на земле неподалеку, заставил Гласс осознать жестокую правду: дело вовсе не в долгосрочном воздействии радиации. Вода стала красной от крови. Гласс содрогнулась и сделала несколько неверных шагов к кричащей женщине. Та лежала на берегу, но нижняя часть ее тела находилась в быстро краснеющей воде. Гласс наклонилась, взяла женщину за руку и сказала:

– Не беспокойтесь, с вами все будет хорошо. – Она надеялась, что ее голос звучит достаточно уверенно, хотя на самом деле не была уверена ни в чем.

Глаза женщины были расширены от боли и страха.

– Вы не видели Томаса? – прохрипела она.

– Томаса? – повторила Гласс, вглядываясь в темноту, полную тел и обломков челноков. Ей нужно было найти Люка. Страшнее того, что она оказалась на Земле, была лишь мысль о том, что раненый Люк лежит где-то в полном одиночестве.

– Моего сына Томаса, – сказала женщина, вцепившись в руку Гласс. – Мы были на разных челноках. Моя соседка... – она прервалась, страдальчески вздохнув, – пообещала о нем позаботиться.

– Мы найдем его, – сказала Гласс, морщась от того, что ногти женщины впились ей в кожу. Она очень надеялась, что первое предложение, произнесенное ею на Земле, не окажется ложью. Ей вспомнился хаос, который царил в Колонии перед отправлением челноков. Давка на взлетной палубе, хрипящие люди, отчаянно сражавшиеся за возможность занять последние свободные места и убраться с обреченной космической станции. Обезумевшие родители, разлученные толпой с детьми. Синегубые перепуганные дети, пытающиеся отыскать родных, которых они, возможно, никогда больше не увидят.

Гласс попыталась высвободиться, но тут женщина вскрикнула от боли, и ее рука упала обратно в воду.

– Я поищу его, – неуверенно проговорила Гласс, потихоньку отходя в сторону. – Мы его найдем.

Чувство вины, обуявшее Гласс, почти заставило ее остановиться, но она знала, что должна идти. Она ничем не могла облегчить страдания этой женщины. Она ведь не была врачом, не то что девушка Уэллса, Кларк. Не была она и коммуникабельным человеком, как тот же Уэллс или Люк, которые всегда умели сказать нужные слова в подходящее время. На всей этой планете был лишь один человек, которому она могла помочь, и нужно было найти его, пока не стало слишком поздно.

– Простите, – шепнула Гласс, снова поворачиваясь к женщине, лицо которой исказилось от боли. – Я к вам еще приду. Я просто должна поискать моего... одного человека.

Женщина кивнула, стиснув зубы и зажмурившись, и из-под ее сомкнутых век покатились слезы.

Гласс оторвала взгляд от несчастной и пошла дальше. Она прищурилась, чтобы лучше видеть, что происходит вокруг. Сочетание темноты, головокружения, дыма и шока от того, что она оказалась на Земле, словно затянуло происходящее пеленой тумана. Челноки потерпели крушение на берегу озера, оставив везде, куда не кинешь взгляд, груды дымящихся обломков. Вдалеке виднелись смутные очертания кромки леса, но Гласс была в таком смятении, что лишь скользнула по ней взглядом. Что хорошего в деревьях или даже в цветах, если рядом нет Люка, который мог бы увидеть все это вместе с ней?

Ее взгляд метался от одной одуревшей и израненной жертвы крушения к другой. Вот старик, сидящий на большом металлическом обломке, явно бывшем когда-то фрагментом челнока, и уронивший голову на руки. Вот всего в нескольких метрах от шипящих и искрящихся проводов стоит в одиночестве молодой парнишка с окровавленным лицом. Игнорируя опасность, он смотрит пустыми глазами в небо, будто ищет способ вернуться домой.

Повсюду лежали изувеченные мертвые тела. На губах погибших еще словно витали призраки последних душераздирающих слов прощания, а сами люди так и не увидели даже клочка голубого неба, хотя и пожертвовали всем на свете, чтобы на него посмотреть. Лучше бы им остаться дома, чтобы испустить свой последний вздох в окружении родных и близких, а не умирать тут в полном одиночестве.

Все еще не слишком твердой походкой Гласс двинулась к ближайшим распластавшимся по земле телам, изо всех сил молясь, чтобы не увидеть среди мертвых лиц того самого, с волевым подбородком и узким носом, обрамленного светлыми выющимися волосами. Подойдя к первому мертвецу, она с горьким облегчением вздохнула. Это не Люк. Ощущая равные по силе ужас и надежду, Гласс двинулась к следующему телу. И к следующему. Она затаивала дыхание, переворачивая очередного мертвеца на спину или убирая с него тяжелые обломки челнока. После каждого окровавленного, изувеченного незнакомца она вздыхала и позволяла себе чуть укрепиться в вере, что Люк, возможно, все еще жив.

– С вами все в порядке?

Гласс вздрогнула и повернула голову туда, откуда донесся голос. На нее вопросительно смотрел человек с глубоким порезом под левым глазом.

– Да, все нормально, – автоматически ответила она.

– Вы уверены? Шок может делать с телом всякие безумные трюки.

– Со мной все о'кей. Я просто ищу... – Она замолчала, не находя слов, чтобы облечь в них теснящуюся в груди смесь надежды и паники.

Человек кивнул.

– Хорошо. Я тут уже все осмотрел, но, если вы найдете выживших, которых я пропустил, кричите. Мы относим раненых вон туда, – и он ткнул пальцем в темноту. Там, вдалеке, Гласс разглядела очертания людей, склонившихся к лежащим на земле телам.

– Там у самой воды женщина. По-видимому, она ранена.

– Ладно, мы ее подберем.

Сделав знак кому-то невидимому Гласс, он побежал в сторону озера. У нее возникло странное желание окликнуть его и сказать, что сперва лучше бы поискать пропавшего Томаса. Гласс была уверена, что женщина предпочтет истечь кровью в воде, лишь бы не жить на Земле без единственного существа, которое наполняло смыслом ее существование. Но человек уже скрылся из виду.

Гласс глубоко вздохнула и заставила себя двигаться дальше, однако ноги больше не подчинялись ее воле. Если Люк не ранен, почему он до сих пор ее не нашел? То, что она не слышит его звучного низкого голоса, выкрикивающего в темноте ее имя, в лучшем случае

означало, что он лежит где-то, потому что слишком серьезно ранен, чтобы двигаться. А в худшем...

Гласс пыталась противостоять мрачным мыслям, но это было все равно, что толкаться с тенью. Ничто не могло справиться с поселившейся в сознании тьмой. В том, чтобы потерять Люка всего через несколько часов после воссоединения, таилась невероятная жестокость. Она не могла снова пройти через это, только не сейчас, не после того, что так недавно произошло с мамой. Нет. Захлебываясь рыданиями, она встала на цыпочки и осмотрелась. Вокруг стало чуть светлее. Кое-кто из выживших использовал пылающие обломки челнока в качестве импровизированных факелов, но от их дергающегося, мерцающего света вряд ли был прок. Куда бы ни падал взгляд Гласс, он повсюду наталкивался на искалеченные тела и искаженные паникой лица.

Теперь линия деревьев была ближе. Гласс могла уже разглядеть кору, перекрученные ветви, полог листья. Для того, кто всю жизнь прожил возле одного-единственного дерева, увидеть такое их множество было все равно, что встретиться с дюжиной клонов своего лучшего друга.

Гласс обернулась, чтобы рассмотреть особенно высокое дерево, и ахнула. У его ствола ссутулился парень со светлыми вьющимися волосами.

Парень в униформе охранника.

– Люк! – крикнула Гласс, бросаясь бежать. Приблизившись, она разглядела, что глаза парня закрыты. Он без сознания или... – *Люк!* – снова крикнула она, не успев додумать мысль.

Собственные конечности казались одновременно и неуклюжими, и наэлектризованными, как у реанимированного трупа. Гласс попыталась прибавить ходу, но земля словно тормозила ее, притягивая к себе. Несмотря на то что ее с парнем еще разделял добрый десяток метров, можно было утверждать: это Люк. Его глаза были закрыты, тело обмякло, но он дышал. *Он был жив.*

Гласс опустилась на колени рядом с Люком, подавив желание броситься ему на грудь. Ей не хотелось снова причинить ему боль.

– Люк, – шепнула она на ухо любимому, – ты меня слышишь?

Он был бледен, из рассеченного лба на переносицу стекала струйка крови. Гласс припустила пониже рукав и прижала его к порезу. Люк негромко застонал, но по-прежнему не шевелился. Она нажала чуть сильнее, надеясь остановить кровотечение, и наскоро осмотрела Люка. Его левое запястье было фиолетовым и распухло, но в остальном он выглядел совершенно нормально. Слезы облегчения и благодарности хлынули из глаз Гласс, и она не стала их удерживать. Спустя несколько минут, убрав рукав, девушка снова осмотрела рану. Кажется, она больше не кровила.

Гласс положила руку на грудь любимого и нежно позвала:

– Люк! – Она легонько провела пальцами по его ключице. – Люк, это я. очнись.

При звуке ее голоса Люк пошевелился, и из груди Гласс вырвался странный звук – полусмех-полурыдание. Люк застонал, его веки затрепетали, поднялись и снова опустились.

– Люк, очнись, – повторила Гласс, а потом наклонилась к уху Люка, как дома, на корабле, когда будила его, чтобы он вовремя успел на работу. – Ты опоздаешь, – слегка улынувшись, шепнула она.

Его глаза снова медленно открылись и сфокусировались на Гласс. Он попытался что-то сказать, но не смог произнести ни звука. Вместо этого он тоже ей улыбнулся.

– Привет, – сказала Гласс, ощущая, как вмиг развеялись все ее страхи и опасения. – Все хорошо. С тобой все в порядке. И мы добрались, Люк. Мы сделали это. Добро пожаловать на Землю.

Глава вторая

Уэллс

– Ты выглядишь измотанным, – сказала Саша, склоняя голову набок, от чего ее длинные черные волосы рассыпались по плечу. – Почему ты не идешь спать?

– Я лучше побуду тут, с тобой.

Уэллс подавил зевок, превратив его в улыбку. Это оказалось нетрудно. Каждый раз, глядя на Сашу, он подмечал что-то, заставляющее его улыбаться. Например, то, как ее зеленые глаза блестят в мерцающем свете костра. Россыпь веснушек на ее высоких скулах зачаровывала Уэллса не меньше, чем саму Сашу – ночные созвездия. Вот и сейчас девушка, задрав голову, в восхищении смотрела в небо.

– Не могу поверить, что ты там *жил*, – тихонько сказала она перед тем, как опустить глаза и встретиться с Уэллсом взглядом. – Ты не тоскуешь? Наверное, тебе не хватает этого – быть в окружении звезд.

– Отсюда звезды еще прекраснее. – Он поднял руку и легонько провел пальцем по ее скуле, прокладывая путь от веснушки к веснушке. – А вот на твое лицо я могу смотреть всю ночь напролет. С Большой Медведицей у меня этого не получилось бы.

– У тебя и со мной не получится. Я удивлюсь, если ты продержишься еще хотя бы пять минут. У тебя же глаза слипаются.

– Просто день был очень длинным.

Саша подняла бровь, и Уэллс улыбнулся. Оба они знали, что это изрядное преуменьшение. Всего несколько часов назад Уэллс был изгнан из лагеря за то, что помог Саше, бывшей пленнице сотни, сбежать. Сразу после этого он набрел в лесу на Кларк и Беллами, которые спасли сестру Беллами Октавию и попутно убедились в том, что наземники, к числу которых принадлежала Саша, не враги колонистам, как казалось раньше. Пришлось пространно объяснять это членам сотни, большинство из которых нервировало присутствие Саши, но это было только начало. В тот же вечер Беллами и Уэллс сделали потрясающее открытие. Хотя Уэллс, сын Канцлера, вырос на Фениксе, где обитали сливки общества, а сирота Беллами прозябал в детском центре Уолдена, они оказались единокровными братьями.

Осмыслить и переварить все это было слишком сложно. И хотя Уэллс, по большей части, был счастлив, шок и смущение от этого известия мешали ему целиком отдаться радости. Вдобавок он уже несколько веков не высыпался по ночам. За прошедшие недели Уэллс де-факто стал руководителем лагеря. Не то чтобы он особенно к этому стремился, но офицерские курсы в сочетании с давней страстью к изучению Земли выработали в нем определенный набор навыков. Конечно, Уэллс был рад помочь и благодарен за доверие, но в такой ситуации на него ложилась огромная ответственность.

– Может, я и отдохну минутку, – сказал он, упираясь локтями в землю, а потом откинулся назад, чтобы опустить голову Саше на колени. Хотя они и сидели чуть в стороне от костра, вокруг которого собрались все остальные, потрескивание дров не заглушало привычных вечерних споров. Наверняка вскоре кто-нибудь прибежит с жалобой, что его походная кровать занята, или с требованием разобраться с дежурством по доставке в лагерь воды, или с вопросом, как поступить с тем, что осталось от сегодняшней охотничьей добычи.

Саша пальцами, словно расческой, провела по волосам Уэллса, и тот, вздохнув, на миг забыл обо всем, кроме тепла ее кожи. Он забыл о том, какой ужасной выдалась неделя, и о чудовищных актах насилия, свидетелями которых все они стали. Забыл о том, как нашел тело своей подруги Прийи. Забыл, что отца подстрелили у него на глазах во время схватки с Беллами, который совершил отчаянный поступок, стремясь попасть вместе с сестрой на

челнок. Забыл о пожаре, который уничтожил их первую стоянку и унес жизнь подруги Кларк Талии, в результате чего на романе Уэллса и Кларк был поставлен жирный крест.

Может быть, они с Сашей смогут провести всю эту ночь вместе, на поляне. Только на такое уединение они и могли рассчитывать. Улыбнувшись этой мысли, Уэллс задремал.

– Что за чертовщина? – Сашина рука на его волосах вдруг замерла, а в голосе девушки послышалась тревога.

– Что случилось? – резко открыв глаза, спросил Уэллс. – Все нормально?

Он сел и быстро оглядел поляну. Большинство членов сотни все еще теснились у костра, и их негромкое бормотание сливалось в умиротворяющий гул. Но, когда взгляд Уэллса упал на устроившуюся возле Беллами Кларк, он понял, что внимание той целиком захватило нечто постороннее. Хотя его отчаянная, всепоглощающая страсть к этой девушке превратилась в нечто похожее на настоящую дружбу, она до сих пор была для него открытой книгой. Он знал каждое выражение ее лица: как она поджимает губы, сосредоточившись на какой-нибудь медицинской процедуре, или как сверкают ее глаза, когда она говорит о своих странных увлечениях наподобие биологической классификации или теоретической физики. Сейчас Кларк озабоченно сдвинула брови и запрокинула голову, явно оценивая нечто на небосводе. Беллами тоже смотрел вверх, неожиданно закаменев лицом. Потом он отвернулся и что-то зашептал на ухо Кларк. Еще недавно Уэллса замутило бы от такой интимности, но сейчас он лишь встревожился, преисполнившись дурных предчувствий. Он тоже поднял голову к небу, но не увидел ничего необычного. Только звезды. Саша все еще смотрела вверх.

– Что там? – спросил ее Уэллс.

– Вон там, – жестко сказала Саша, указывая в ночь, в темноту над хижиной-лазаретом и окружавшими поляну деревьями. Она знала это небо так же хорошо, как он знал звезды; только рожденная на Земле Саша, чтобы увидеть светила, всю жизнь смотрела вверх, пока Уэллс смотрел вниз. Уэллс посмотрел туда, куда нацелился ее палец, и тут увидел это: пятно яркого света быстро двигалось по дуге к земной поверхности. К ним. Потом появилось еще одно пятно, потом еще два. Вместе они выглядели как звездопад, обрушившийся на мирно собравшихся у костра людей.

Уэллс резко выдохнул, все его тело словно застыло.

– Челноки, – тихонько сказал он. – Они летят сюда. Все они.

Уэллс почувствовал, как Саша тоже напряглась, обнял ее за плечи и сильнее прижал к себе. Так они молча смотрели на опускающиеся корабли, дыша в едином ритме.

– Ты... ты думаешь, что твой отец на одном из них? – спросила Саша, явно стараясь, чтобы ее голос звучал оптимистично, хотя она, по-видимому, не питала особых надежд.

Наземники согласились делить Землю с сотней изгнанных с родных кораблей несовершеннолетних правонарушителей, но Уэллс понимал, что все остальное население Колонии – это нечто совсем иное.

Уэллс хранил молчание, а в его и без того перегруженном мозгу страх сражался с надеждой. Был шанс, что отец ранен не так серьезно, как показалось вначале, что сейчас он уже совершенно выздоровел и вместе с другими отправился на Землю. Опять же, не исключено, что Канцлер все еще борется за жизнь в медицинском центре или, хуже того, неподвижный и холодный дрейфует среди звезд. Как поступить, если отец не сойдет на землю с одного из этих челноков? Каково придется Уэллсу жить со знанием, что ему никогда не суждено получить отцовское прощение за те ужасные преступления, которые он совершил в Колонии?

Уэллс отвел глаза и отвернулся. Теперь он глядел в сторону костра. Кларк повернулась, чтобы посмотреть на него, их взгляды встретились, и неожиданно Уэллс почувствовал, что преисполнился благодарности. Им не нужно ничего говорить друг другу, Кларк и без того

знает, какая смесь ужаса и облегчения поселилась сейчас в его душе. Знает, сколь многое предстоит ему обрести или потерять, когда эти двери откроются.

– Он будет очень тобой гордиться, – сказала Саша, сжимая руку Уэллса.

Несмотря на тревогу, лицо юноши смягчилось, и на нем расцвела улыбка. Саша тоже все понимает. Пусть она никогда не встречалась с папой Уэллса и не представляла, какая путаница царит в его отношениях с сыном. Зато она отлично знала, каково это – расти с отцом, который отвечает за благополучие всей общины. Или, как в случае Уэллса, за выживание человечества как вида. Отец Саши был руководителем наземников, также как отец Уэллса – лидером жителей Колонии, и девушка понимала, каково жить под бременем долга. Понимала, что быть лидером не только честь, но и жертва.

Уэллс взглянул на лица почти ста подростков, сидящих у костра. Проведя на Земле несколько тяжелых недель, все они выглядели осунувшимися и измученными. Обычно это зрелище вызывало у него более или менее сильную тревогу по поводу продовольствия и прочих припасов, которые таяли прямо на глазах, но сейчас он почувствовал лишь облегчение. Облегчение и гордость. Они это сделали. Они *выжили* вопреки всем напастям, и теперь помощь уже в пути. Даже если ни на одном из этих челноков нет его отца, там наверняка есть солидные запасы продовольствия, всевозможной аппаратуры, медикаментов и прочих необходимых вещей, которые нужны, чтобы пережить и надвигающуюся зиму, и все остальное, что их ждет.

Он не мог дождаться, когда вновь прибывшие увидят, как много успела сделать сотня, и предвкушал выражение, которое появится на их лицах. Конечно, подростки наделали ошибок и понесли ужасные потери – погибли Ашер и Прийя, да и Октавия чуть не оказалась в числе жертв, – но и победы у них тоже были.

Обернувшись, Уэллс увидел, как озабоченно смотрит на него Саша. Он улыбнулся и, прежде чем девушка успела среагировать, запустил пальцы в ее блестящие волосы и прижался губами к ее губам. В первый миг Саша словно бы удивилась, но потом расслабилась и вернула ему поцелуй. Уэллс на миг прижался лбом к ее лбу, собираясь с мыслями, и встал. Пора поговорить со всеми остальными.

Его взгляд метнулся к Кларк в поисках поддержки. Прежде чем встретиться с ним глазами и кивнуть, девушка плотно сжала губы и быстро посмотрела на Беллами.

Уэллс откашлялся, и этот звук привлек внимание некоторых ребят. Правда, их было немного.

– Всем меня слышно? – спросил он, повышая голос, чтобы его не заглушал гул разговоров и треск костра.

Чуть в стороне Грэхем обменялся глумливой ухмылкой с одним из своих дружков-аркадийцев. Когда сотня только оказалась на Земле, он стал лидером противников Уэллса, пытавшихся убедить ребят, будто сын Канцлера шпионит за остальными. Даже теперь, когда большинство стало доверять Уэллсу, Грэхем не утратил полностью своего влияния – очень многие боялись Грэхема сильнее, чем доверяли сыну Канцлера.

Лила, хорошенькая девушка с Уолдена из числа приспешников Грэхема, пошептала ему на ухо и громко льстиво захихикала, когда тот что-то шепнул ей в ответ.

– Вы заткнетесь? – огрызнулась Октавия, стреляя в эту парочку мрачным взглядом. – Уэллс сказать пытается.

Лила свирепо зыркнула на Октавию и что-то пробормотала себе под нос, но Грэхем выглядел слегка удивленным. Возможно, дело было в том, что Октавия провела в лагере меньше времени, чем остальные, оставаясь при этом одной из немногих, кто не боялся Грэхема и готов был противостоять ему.

– Уэллс, что происходит? – спросил Эрик.

Этот высокий серьезный парень с Аркадии держал за руку своего сердечного друга Феликса, который лишь недавно оправился от загадочной болезни, и обычная сдержанность Эрика уступила место облегчению. За весь день он ни разу не выпустил руки Феликса, заметил Уэллс и с облегчением улыбнулся. Скоро им не нужно будет беспокоиться о том, как справляться со всякими непонятными хворями, потому что на борту челноков наверняка есть опытные врачи, в распоряжении которых больше лекарств, чем было изобретено за всю земную историю.

– Мы сделали это! – сказал Уэллс. Он не мог сдержать волнения. – Мы провели тут достаточно времени, чтобы можно было сказать, что Земля стала пригодной для жизни, и теперь сюда летят остальные, – и он с улыбкой показал на небо.

Десятки голов, подсвеченные мерцающим пламенем костра, разом повернулись. Поляну огласил хор радостных восклицаний – к которому, впрочем, примешивалось и несколько проклятий, – и все повскакивали на ноги. Челноки были уже низко, набирая скорость по мере приближения к земле.

– Моя мама там! – подпрыгивая, закричала совсем молоденькая девушка по имени Молли. – Она обещала, что прилетит первым же челноком.

Две девушки с Уолдена принялись визжать, вцепившись друг в друга, а Антонио, веселый уолденский парень, который в последнее время как-то притих, бормотал себе поднос: «Мы это сделали... мы это сделали».

– Вспомните, что говорил мой отец, – сказал Уэллс, перекрикивая шум. – О том, что все наши преступления будут прощены. Так что теперь мы снова полноправные граждане. – Он сделал паузу и улыбнулся. – Хотя, пожалуй, это не совсем верно. Вы не полноправные граждане, вы герои.

Раздались аплодисменты, но их звук почти сразу заглушил внезапно наполнивший воздух пронзительный визг, издаваемый, кажется, самим небом. Он вмиг стал просто оглушающим, заставив всех собравшихся на поляне заткнуть уши.

– Они сейчас приземлятся! – воскликнул Феликс.

– Где? – отозвалась какая-то девушка.

Точно ответить на ее вопрос было невозможно, но сомнений в том, что полет кораблей практически не контролируется и посадка будет жесткой, ни у кого не возникало. Уэллс беспомощно и потрясенно наблюдал, как первый челнок пронесся всего в нескольких километрах прямо у них над головами, так низко, что его пылающий след подпалил верхушки самых высоких деревьев.

Уэллс пробормотал себе под нос несколько ругательств. Если деревья загорелись, неважно, кто в челноках, они все равно не доживут до утра.

– Круто, – достаточно громко, чтобы его было слышно в адском грохоте, сказал Беллами. – Мы рискуем жизнями, доказывая, что на Земле можно жить, только для того, чтобы они явились сюда и все спалили.

Он, как обычно, говорил безразличным, насмешливым тоном, но Уэллс понимал, что Беллами было страшно. В отличие от остальных, он прорвался в челнок силой, став при этом виновником ранения Канцлера. Узнать, распространяется ли на Беллами помилование, или охранникам приказано при виде него стрелять на поражение, было невозможно.

Когда челнок промчался над поляной, Уэллс разглядел у него на борту слова «Триллион Галактик». Так называлась компания, которая несколько поколений назад конструировала и строила космические корабли. Внутренности скрутило, когда он понял, что челнок лег на бок и приближается к земле под углом в сорок пять градусов. Что же должно происходить с его пассажирами?! Промчавшись по небу, челнок скрылся с глаз за стеной деревьев.

Уэллс затаил дыхание, ожидая, что будет дальше. Мучительное мгновение – и из-за деревьев взметнулось яркое, как при взрыве, пламя. До него было как минимум несколько

километров, но полыхнуло ярко, как при вспышке на Солнце. А через миллисекунду до поляны донесся грохот, заглушивший все остальные шумы. И, прежде чем кто-то успел сообразить, что произошло, над поляной пронесся второй челнок, приземлившийся с таким же грохотом. За ним последовал третий.

Каждый удар заставлял землю содрогаться. Ноги Уэллса задрожали, а вслед за ними завибрировали и все внутренности. Неужели посадка их челнока выглядела так же? Они же тоже сели просто ужасно, несколько ребят при этом погибли. Пугающий грохот вдруг как отрезало, и в тишине, которая вновь наступила на Земле, в небо, окрашивая тьму, взвились языки пламени и вихрящиеся клубы дыма. Уэллс обернулся и посмотрел на остальных. На подсвеченных оранжевым лицах читался тот же вопрос, что непрестанно крутился сейчас в его собственной голове: «Возможно ли, чтобы кто-нибудь там выжил?»

– Надо туда идти, – твердо сказал Эрик, повышая голос, чтобы его слова были слышны за восклицаниями и нервными выкриками.

– Как мы их найдем? – дрожа, спросила Молли.

Уэллс знал, что она ненавидит бродить по лесу, а уж ночью и подавно.

– Такое впечатление, что они приземлились где-то возле озера, – ответил Уэллс, круговыми движениями массируя виски. – Но они могут оказаться и гораздо дальше.

«Если хоть кто-то выжил», – мысленно добавил он. Произносить эти слова вслух не было никакой необходимости, потому что все они думали об одном и том же. Уэллс снова посмотрел туда, где полыхал огонь, и оказалось, что пожар идет на убыль, а пламя становится все ниже.

– Лучше бы нам уже идти. Когда там все погаснет, мы не сможем отыскать их в темноте.

– Уэллс, – проговорила Саша, опуская руку ему на плечо, – может, лучше дожидаться утра? Идти туда сейчас опасно.

Уэллс заколебался. Саша, конечно, права насчет опасности, потому что в лесу, где-то между Маунт-Уэзер и лагерем сотни бродят ожесточившиеся наземники, восставшие против власти ее отца. Именно они похитили Октавию, убили Ашера и Прию. Но Уэллс не мог вынести мысли о раненых и перепуганных колонистах, которые ждали их помощи.

– Всем идти незачем, – сказал он. – Мне нужны несколько добровольцев, готовых оказать пострадавшим первую помощь, а потом отнести в лагерь все, что потребуется. – И Уэллс окинул взглядом поляну, в которую они вложили столько труда. Теперь она стала для них настоящим домом, и Уэллс почувствовал прилив гордости.

Октавия сделала несколько шагов в сторону Уэллса и теперь стояла в центре круга. Несмотря на то что ей было всего четырнадцать, она, в отличие от остальных младших ребят, не стеснялась говорить публично.

– Я считаю, пусть они сами ищут дорогу, – сказала девочка, вызываясь вздернув подбородок. – А лучше всего будет, если они там и останутся. Они почти приговорили нас к смерти, когда послали сюда. Почему же мы должны рисковать своими жизнями, чтобы их спасти?

По толпе подростков пронеслась волна ропота. Октавия бросила быстрый взгляд на своего брата, возможно ожидая поддержки. Уэллс тоже посмотрел на Беллами и увидел, что у того абсолютно непроницаемое выражение лица.

– Издеваешься, что ли? – спросил Феликс, встревоженно глядя на Октавию. Голос юноши ослаб за время болезни, но было ясно, что он обеспокоен. – Если есть хоть малейший шанс, что на челноке мои родители, я должен попытаться их найти. Сегодня. Сейчас.

– А я пойду с ним, – сказал Эрик.

Уэллс поискал глазами Кларк и Беллами. Встретив его взгляд, Кларк взяла Беллами за руку и вместе с ним поспешила к бывшему бойфренду.

– Я тоже должна идти, – тихо сказала она. – Там, возможно, раненые, и им понадобится моя помощь.

Уэллс посмотрел на Беллами, ожидая, что тот начнет возражать против такого риска, но тот напряженно молчал, глядя в темноту за спиной Уэллса. Вероятно, он уже знал, что спорить с Кларк, если та приняла какое-то решение, совершенно бессмысленно.

– О'кей, – сказал Уэллс, – тогда собираемся. Остальные будут готовить лагерь к прибытию новичков.

Кларк побежала в лазарет за медицинским инвентарем, а Уэллс тем временем поручил добровольцам запастись питьевой водой и одеялами.

– Эрик, можешь найти какой-нибудь еды? Неважно, какой.

Когда члены его команды, собираясь в путь, засновали туда-сюда, Уэллс повернулся к Саше, которая по-прежнему стояла рядом с ним, сосредоточенно сжав губы.

– Надо прихватить что-нибудь, что сойдет за носилки, – сказала она, окинув поляну оценивающим взглядом. – Возможно, там окажутся те, кто не сможет ходить. – И Саша, не дожидаясь ответа Уэллса, направилась к палатке, где хранились все их припасы.

Уэллс бросился за ней.

– Здравомыслишь, – сказал он, принаравливаясь к ее быстрым шагам, – но я не думаю, что тебе разумно идти с нами.

Саша резко остановилась.

– О чем это ты? Никто из ваших не знает местности так хорошо, как я. Если в мире есть человек, который способен без приключений отвести вас туда-обратно, то это я.

Уэллс вздохнул. Конечно, она права, но мысль о том, что Саша столкнется с колонистами (скорее всего, это будут до зубов вооруженные охранники), которые ни сном ни духом не догадываются о существовании наземников, заставила его содрогнуться от страха. Он помнил шок и растерянность, которые испытал, впервые увидев Сашу. Тогда все его представления о мироустройстве перевернулись с ног на голову. Конечно, поначалу Уэллс совсем ей не доверял, а всем остальным понадобилось и того больше времени, чтобы поверить, что Саша не врет, рассказывая о мирной общине живущих на Земле людей.

Уэллс потоптался с ноги на ногу, глядя в Сашины миндалевидные глаза, в которых уже горел вызов. Эта девушка была красива, а еще она была кем угодно, только не неженкой. Она уже доказала, что прекрасно может о себе позаботиться и не нуждается в его опеке. Но даже вся сила и весь ум мира не могут остановить пулю, выпущенную ударившимся в панику охранником.

– Я просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, – сказал он, беря Сашину руку. – Ведь там все думают, что планета пуста. Пожалуй, сейчас для них не время знать о наземниках. К тому же они дезориентированы и напуганы. Охранники могут сделать какую-нибудь глупость.

– Но ведь я собираюсь им *помогать*, – сказала Саша со смесью терпения и замешательства в голосе. – И всем будет совершенно ясно, что я не враг.

Уэллс молчал, вспоминая патрулирования, в которые он ходил, будучи на офицерских курсах, и людей, арестованных за преступления вроде нарушения комендантского часа на целых пять минут или случайное проникновение в запретную зону. Он знал, что на корабле не обойтись без строжайшего порядка, но также знал и то, что охранникам непросто отказаться от привычки сперва стрелять, а потом уж задавать вопросы.

– Ты должна понять, что люди моего народа...

Она прервала Уэллса, положив руки ему на плечи, встав на цыпочки и заставив замолчать поцелуем.

– Теперь это и *мой* народ.

– Надеюсь, твои слова будут процитированы во всех книгах по истории, – с улыбкой сказал Уэллс.

– Думаю, ты хочешь сам написать такую книгу, – и она заговорила, имитируя, как решил Уэллс, высокомерные интонации, принятые у наземников: – *Из первых рук: отчет о возвращении человечества на Землю*. Клевая выйдет книжка, если не считать того факта, что, как ты знаешь, определенная часть человечества никогда Землю и не покидала.

– Последи лучше за своими словами, а то я внесу в твоё описание некоторые вольности.

– Какие? Напишешь, что я была настоящей уродкой? Так мне на это наплевать.

Уэллс потянулся, чтобы заправить ей за ухо выбившуюся длинную прядку.

– Напишу, что ты была так прекрасна, что из-за тебя я совершал нелепые и рискованные поступки.

Она улыбнулась, и из головы Уэллса на мгновение исчезли все мысли кроме одной – ему очень хотелось снова поцеловать Сашу. Но идиллию оборвали донесшиеся из темноты голоса:

– Уэллс, мы готовы.

Из-за деревьев, щекоча ноздри, с места крушения челноков потянуло горьким запахом дыма.

– Ладно, – твердым голосом сказал он Саше, – идем.

Глава третья

Кларк

Напряженно вглядываясь в темноту, Кларк устала на место катастрофы, ожидая того неизбежного мига, когда наконец-то включатся ее инстинкты, нейтрализуя панику, и она сможет делать то, чему ее учили. Но пока она в нерешительности застыла на краю усыпанной обломками и мусором поляны и ощущала один лишь ужас.

Когда на Землю прибыла сотня, все было не так ужасно. Насколько Кларк могла судить, три врезавшихся в землю челнока разделяло всего несколько десятков метров. Удивительно, что они не попадали друг на друга. Их шероховатые корпуса торчали у самой кромки воды, нависая над поверхностью озера. Повсюду валялись неподвижные тела. Пламя, по большей части, угасло, но в воздухе висел тяжелый запах раскаленного металла.

Увидеть столько трупов оказалось очень тяжелым испытанием, но еще хуже было все растущее число раненых. Кларк бегло прикинула количество выживших, и у нее получилось около трехсот пятидесяти человек в состоянии различной степени тяжести.

– Вот же... – начал было Уэллс, но замолчал. Впрочем, буквально через несколько секунд его лицо стало жестким и полным решимости. – Ладно, – глубоко вздохнув, сказал он, – откуда начнем?

В голове Кларк немедленно закрутились шестеренки. Привычное спокойствие снизошло на нее, когда она начала мысленно классифицировать пострадавших, отделяя лежащих раненых от тех, кто сможет передвигаться самостоятельно, начиная с детей и последовательно переходя ко все более старшим людям.

Они смогут с этим справиться. Она – сможет. На каждом челноке должны быть лекарства и медицинский инструментарий. На Земле она работала куда больше, чем раньше, и за последние несколько недель многому научилась. Кроме того, среди пассажиров наверняка есть настоящие врачи, хотя бы один или двое. Остается только надеяться, что они не погибли. Кларк поморщилась, почувствовав глубоко в груди укол тоски и сожаления. Сейчас она сильнее чем когда-либо нуждалась в родителях, но была так же далека от них, как несколько дней назад, покидая лагерь.

– Начинаем делить их на группы, – сказала она Уэллсу, Саше и остальным участникам спасательной экспедиции. – Тяжелораненых оставляем там, где они есть, а тех, кто может идти, нужно проводить на поляну.

– А как насчет тех, кто не может передвигаться самостоятельно, но не слишком серьезно ранен? – спросил Эрик. – Пусть пока побудут тут? Или их тоже нужно переправить в лагерь?

– Уходить надо всем, и, чем быстрее, тем лучше, – сказал Уэллс прежде, чем Кларк успела ответить. – Челноки в любой момент могут взорваться. Нужно разбиться на две группы. Одна пойдет налево, другая – направо.

Кларк кивнула, раздала бинты и прочие принадлежности для оказания первой помощи, а потом устремила к эпицентру этого ужаса. Перешагнув через гору искореженного металла и осколков фибростекла, она опустилась на колени рядом с мальчиком, темная кожа которого была перемазана серым пеплом. Он сидел, подтянув колени к груди, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами и хныча.

– Привет, – сказала Кларк, опуская руку на плечо ребенка, – меня зовут Кларк, а тебя как?

Мальчик не ответил. Неясно было даже, слышит ли он Кларк и ощущает ли ее прикосновение.

– Я знаю, ты испугался. Но все будет хорошо. Тебе тут понравится, обещаю.

Она встала, поманила Эрика и, когда тот подбежал, сказала:

– Он не ранен, просто в шоке. Можешь найти кого-нибудь, кто за ним присмотрит?

Эрик кивнул, взял мальчика на руки и поспешил прочь.

Слева от Кларк Уэллс успокаивал женщину средних лет. Он помог ей подняться на ноги и повел к Саше, которая уже была готова вести в лагерь первую партию выживших. Вдоль позвоночника Кларк побежали ледяные мурашки, когда она увидела среди них молодого человека в униформе охранника. Беллами пообещал, что первое время не будет попадаться никому на глаза, но ведь легче легкого втянуть его в какую-нибудь конфронтацию. Вдруг за время ее отсутствия что-нибудь случится?

– Кларк! – Она обернулась и увидела, что ее зовет Феликс. – Нам нужна твоя помощь.

Поспешив на зов, она увидела, что Феликс стоит на коленях перед молодой блондинкой с длинными спутанными волосами. Парень пытался перебинтовать ей руку, но повязка уже пропиталась кровью.

– Никак не остановить, – прошептал он. Его лицо стало совсем бледным. – Сделай что-нибудь.

– Я ею займусь, – сказала Кларк. – Иди дальше.

Размотав повязку, она осмотрела рану.

– Я умру? – хрипло прошептала девушка.

Кларк с улыбкой покачала головой.

– Нет. Я ни за что этого не допущу. Не раньше, чем у тебя появится шанс посмотреть Землю. – Она полезла в аптечку за антисептиком, молясь, чтобы на челноках был запас лекарств. Ее антисептики почти закончились. – Знаешь, кого я видела вчера? – Она попыталась отвлечь девушку, готовясь зашить ее глубокую рану. – Настоящего живого кролика.

– Правда? – Блондинка принялась вертеть головой по сторонам, словно надеялась, что кролик сейчас выскочит откуда-нибудь из-за обломков.

Через десять минут ее увел Уэллс, и Кларк получила возможность заняться более серьезными ранениями. Видеть страдания такого множества людей было тяжело, но, сосредоточившись на деле, девушка смогла наконец отвлечься от невеселых мыслей.

Последние несколько дней прошли словно в тумане, и каждое новое событие оказывалось невероятнее предыдущего. Она помирилась с Беллами, который умудрился простить Кларк за то, что она сделала с Лилли. Потом им пришлось вызволять Октавию от наземников, к числу которых принадлежала и Саша, а те, в свою очередь, еще раньше спасли сестру Беллами от наземников-отщепенцев, сторонников жестоких мер.

Но сильнее всего Кларк одурманила новость о том, что ее родители, оказывается, живы и находятся на Земле. Порой ей думалось, что все это происходит во сне, и что радость и облегчение, бурлящие в ее груди, вот-вот снова превратятся в тоску и боль. Но родители, которых она оплакивала уже год, не были казнены, и их тела не дрейфовали в открытом космосе. Они каким-то образом добрались до Земли и даже некоторое время жили с Сашиней семьей, а потом куда-то ушли. Значит, теперь нужно сообразить, как их найти, пусть это и кажется невозможным по тысяче причин. Однако если сидеть сиднем на одном месте и ничего не делать, то родителей она уж точно не найдет. И, чем скорее Кларк закончит с ранеными, тем скорее она сможет отправиться на поиски.

– Этот не дышит, – скривившись, сказал Эрик, когда Кларк подошла к нему.

Она присела на корточки и коснулась шеи лежащего на земле человека. Он еще не остыл, но пульса у него не было. Сжав губы, Кларк прижала ухо к его груди, молясь о том, чтобы услышать сердцебиение, но ее молитва была напрасной.

– Мы ничем не можем ему помочь, – сказала она, стараясь не встречаться с Эриком взглядом, потому что ей не хотелось видеть на его лице выражение ужаса. И чтобы он увидел на ее лице беспомощность.

Кларк снова посмотрела на лежащего человека, впервые по-настоящему увидев его лицо, и ахнула. Сердце словно сжала, пробив грудную клетку, невидимая рука – это был мистер Фрец, ее преподаватель биологии, тот самый, что когда-то дал ей, в ту пору десятилетней, доступ к закрытым архивам корабля, чтобы она могла посмотреть фотографии слонов.

– С тобой все нормально? – спросил Эрик.

Кларк кивнула, стараясь сморгнуть слезинки, от которых все вокруг казалось расплывчатым. Протянул ли мистер Фрец достаточно долго для того, чтобы посмотреть на ночное небо? Видел ли он, как отражается в озере луна, почувствовал ли принесенный ветерком запах деревьев? Или скончался, не успев даже одним глазком взглянуть на планету, перед которой всю жизнь благоговел издавека?

– Тела пока придется оставить здесь, – сказала она, отворачиваясь. – Важнее разбраться с ранеными.

Оставив Эрика, Кларк, осторожно переступив через груды искореженного, докрасна раскаленного металла, двинулась к лежащему на боку человеку, одетому в некогда белые одежды, на которых теперь виднелись грязь и копоть. Глаза его были закрыты, губы кривились, словно бросая вызов боли. Увидев его высокую, тощую фигуру и седые волосы до плеч, Кларк тихонько застонала. Это был доктор Лахири, ее бывший педагог и один из старейших друзей ее отца и матери. Последний раз они виделись, когда он пришел к ней в камеру, и она обвинила его в предательстве родителей. В ответ доктор назвал ее изменницей, после чего она двинула кулаком ему в лицо.

Ярость, которую тогда испытала Кларк, теперь казалась странно далекой. Хотя ее родителей, конечно же, предали, они остались живы. К тому же девушка теперь знала, что кое-кто виноват в случившемся куда больше, чем доктор Лахири, – в первую очередь, Вице-канцлер Родос, который приказал родителям начать чудовищный эксперимент с облучением.

Кларк опустилась на корточки и коснулась локтя лежащего.

– Доктор Лахири, – сказала она вдохновляющим, уверенным тоном. Во всяком случае, она на это надеялась. – Вы меня слышите? Это Кларк.

Доктор с трудом открыл глаза и долгий миг смотрел на девушку, словно не мог понять, реальность это или галлюцинация. Когда он наконец заговорил, то почти не разжимал зубов, как будто любое лишнее движение причиняло невыносимую боль:

– Кларк... ты жива.

– Да, несмотря на ваши усилия, – сказала она с улыбкой, чтобы доктор понимал, что это шутка... по большей части. – Я бы хотела вас осмотреть, ладно?

Он слегка кивнул, а потом закрыл глаза и поморщился. Осторожно расстегнув на нем одежду, Кларк ощупала его живот и грудную клетку. Когда она дотронулась до ключицы, доктор скривился. Кларк аккуратно приподняла ему веки, чтобы взглянуть на зрачки, и провела ладонью по голове, чтобы убедиться в отсутствии повреждений.

– Думаю, все дело в ключице, – сквозь зубы процедил доктор Лахири.

– И еще сотрясение мозга, – добавила Кларк, стараясь, чтоб ее голос звучал нейтрально. – Полагаю, у вас перелом. Я могу наложить повязку, но, боюсь, у нас с обезболивающим неважно. У вас на челноках есть лекарства?

– Не знаю, что там есть на этих челноках, – хрипло сказал доктор Лахири, и сердце Кларк оборвалось от разочарования. – Все произошло слишком быстро. Собираться времени не было.

– Ладно, обойдемся пока. Я помогу вам сесть. Готовы? – Опустившись на колени, Кларк подхватила его под здоровую руку. – На счет «три». Раз, два, три! – Она помогла доктору принять сидячее положение (тот страдальчески вскрикнул) и прислонила его к горке мусора. К лицу раненого постепенно возвращались краски. – Просто не шевелитесь по возможности, пока за вами не придут мои друзья, – и Кларк махнула рукой в сторону Уэллса и его команды. – Они доставят вас в безопасное место.

– Кларк, – еще более хрипло, чем раньше, пробормотал доктор Лахири. Девушка тут же вытащила бутылку с водой и поднесла к его губам. Доктор сделал малюсенький глоток и продолжил: – Я сожалею о том, что сказал в прошлый раз. Родители гордились бы тобой. И я... я так тобой горжусь!

– Спасибо, – медленно проговорила Кларк, гадая, действительно ли доктор считает, что ее родители мертвы, или просто слишком запуган, чтобы сказать ей правду. – Я прошу прощения за... за мою несдержанность.

Несмотря на боль, доктор Лахири улыбнулся.

– Хотел бы я поставить себе в заслугу не только твои хирургические навыки, но и твой хук слева.

Следующие несколько часов прошли как в тумане. Кларк практически не заметила рассвета, лишь констатировала, что накладывать швы стало легче. К тому времени, как солнце поднялось высоко в небо, всех ходячих пассажиров челноков отвели в лагерь. Туда же отнесли большую часть раненых. Когда рассвело, к озеру подтянулись новые члены сотни, чтобы как-то помочь и поискать среди прибывших своих родителей. Однако счастливых воссоединенных оказалось до обидного мало. По-видимому, отцы и матери членов сотни не получили преимущественного права посадки на челноки, несмотря на то что их дети выполняли на Земле невероятно опасную миссию.

Закончив накладывать шину на ногу пожилой женщине, Кларк встала и потянулась, прежде чем перейти к следующему пациенту. Она заметила, что охранники, которые за несколько минут до этого окружали своего командира, теперь разошлись, чтобы помочь доставить раненых в лагерь. Ей оставалось только надеяться, что они и дальше будут заниматься пострадавшими при посадке и не станут охотиться за парнем, из-за которого подстрелили Канцлера.

Взгляд Кларк остановился на охраннике, который показался ей знакомым. Это ощущение вызывало у нее какие-то тревожные чувства. Она уставилась на охранника, пытаясь сообразить, почему ее тошнит от одного взгляда на этого парня. Тот стоял среди медленно колышущегося людского моря, жестикулируя здоровой рукой; раненая рука была прижата к груди.

Потом Кларк быстро отвернулась, чтобы охранник не успел ее заметить, и стала тянуть время, возясь с бинтами. Она ломала голову, вспоминая его имя.

СКОТТ

Во времена ученичества Кларк этого самого Скотта регулярно отряжали патрулировать медицинский центр. Их частые встречи приводили девушку в ужас. Хотя в тех случаях, когда медперсоналу и стажерам ничто не угрожало, охранники, как правило, не вступали с ними в контакт, Скотт вечно ухитрялся обратить на себя внимание. Он был ненамного старше Кларк, а в его поведении сквозило что-то фальшивое и навязчивое. Находясь в помещении, он всегда смотрел на докторов или других охранников и никогда не достаивал взгляда пациентов – наверно, считал, что он слишком хорош для этого. Но сильнее всего Кларк беспоко-

ило поведение Скотта, когда тот оставался с ней наедине. Он все делал для того, чтобы это происходило как можно чаще.

Идя по коридору, ведущему к медицинскому центру, Кларк с трудом заставляла себя не сорваться на бег. Она почти на двадцать минут опаздывала на занятия с доктором Лахири, но наказание за «неподобающее поведение» было даже строже, чем за опоздание. Опоздание влекло за собой лишь неприятности с руководителем, а за нарушение корабельных правил могли вызвать на ковер в Совет. Охранники редко составляли рапорты, когда кто-то всего лишь *бежал*, но парень, который не так давно начал патрулировать медицинский центр, быстро заслужил репутацию бандита в униформе.

Свернув за угол, Кларк застонала. Она-то надеялась, что проскочит в центр незамеченной, но на КПП обнаружился Скотт. Правда, он стоял к ней спиной, но она узнала его широкие плечи и грязноватые светлые волосы, которые всегда казались чуть длиннее, чем предписывает охранникам устав.

Вначале Кларк не заметила ничего необычного, однако, подойдя ближе, вдруг увидела, что Скотт задержал какую-то женщину, скрутив ей руки за спиной. Эта женщина была санитаркой с Аркадии и, судя по громким разглагольствованиям Скотта, которые мог слышать каждый, имеющий уши, всего-навсего забыла пропуск. Большинство охранников просто отпустили бы ее, сделав замечание, но Скотт был не из таковых. Он устроил целое шоу, надевая на несчастную наручники. Когда Кларк проскочила мимо, бедная женщина была вся в слезах и едва могла поднять голову.

Девушку чуть не стошнило от возмущения и отвращения, но она не посмела даже обернуться. Она все равно ничего не добилась бы своим вмешательством. Попытайся она что-нибудь предпринять, Скотт, возможно, стал бы еще больше лютовать, просто чтобы продемонстрировать свою власть и ей тоже.

Приступив к осмотру пациентов, Кларк выбросила этот инцидент из головы. Еще одна причина, по которой ей так нравилось учиться на врача: мозг всецело сосредотачивается на медицинских задачах, не оставляя места ни для чего иного. В это время она не тревожится ни о Лилли, ни о родителях, ни об ужасной тайне, которую нельзя выдать даже Уэлсу.

Какое-то время спустя, когда она промывала ссадину на коленке пятилетней девочки, в смотровую вдруг без всякого предупреждения вломился Скотт.

– Что вам нужно? – спросила Кларк, не потрудившись скрыть раздражение.

Одно дело, когда он разгуливает по коридорам с таким напыщенным видом, словно он, по меньшей мере, коридорный канцлер, и совсем другое – когда он врывается в смотровую, где она занимается пациентом.

Он махнул перед лицом Кларк распухшими посиневшими пальцами и ухмыльнулся:

– Веришь-нет, но эта сука реально *укусила* меня, когда я надевал ей браслеты.

– Пожалуйста, следите за своим языком, – прошипела Кларк, стрельнув взглядом в свою маленькую пациентку, округлившимися глазами уставившуюся на Скотта с кушетки.

Он гнусно рассмеялся.

– Зуб даю, она и кой-чего похуже слыхала. С виду уж больно на уолденку похожа.

Кларк прищурилась.

– А *вы сами* разве не с Уолдена? – сказала она, старательно копируя интонации Гласс и ее самовлюбленных высокомерных подружек.

Проигнорировав ее выпад, он подошел еще на шаг.

– Доктор, я нуждаюсь в ваших профессиональных услугах. – Его голос был одновременно и насмешливым, и смутно угрожающим.

– Если вы посидите в коридоре, я осмотрю вас после того, как закончу с Крессидой.

– Ну я уверен, что малютка *Крессиды*, – он кивнул в сторону девочки, – поймет, что охранник страдает от очень болезненного ранения, полученного сегодня утром при исполнении служебных обязанностей. И что я спешу вернуться к моей работе, чтобы снова защищать порядок в соответствии с Доктриной Геи.

Кларк боролась с желанием закатить глаза. Она едва смогла удержать на лице бесстрастное выражение, расплывая над коленом девочки кожный регенератор. Потом она аккуратно наложила сверху нетугую повязку и похлопала малышку по ноге:

– Ну вот, готово. Только не мочи и не пачкай ее до завтра, договорились?

Крессиды кивнула, соскочила с кушетки и побежала к ожидающей за дверью матери.

Кларк повернулась к Скотту и протянула к нему руку. Тот вложил запястье в ее ладонь, поморщившись, когда она разжала его скрюченный распухший палец:

– Вам бы лучше показать это настоящему врачу, – сказала Кларк, отпуская его руку и отступая.

Он вскинул брови и одарил девушку мрачной улыбкой.

– Какому? Этому старперу, который ошивается тут целыми днями? Нет уж, спасибо.

– Доктор Лахири – самый авторитетный врач на корабле.

– Ладно, но я не хочу показывать ему свою *другую* рану.

– О чем это вы?

– Эта мерзавка с Аркадии попыталась меня ударить. Ну я ей двинул, но она все же долбанула меня в довольно чувствительное место, если ты понимаешь, о чем я.

Кларк вздохнула.

– Синяк есть?

– У меня не было времени посмотреть, – с ухмылкой сказал Скотт. – Не хочешь оказать мне честь? – Он взялся за пряжку ремня и шагнул к Кларк.

– Я должна вызвать медсестру, – проговорила Кларк, направляясь к интеркому.

– Сейчас, подожди маленько, – Скотт здоровой рукой схватил Кларк и потянул к себе. – Мне никакой медсестры не надо. Мне надо только, чтоб ты сделала свою работу... *доктор*.

Он не успел закончить, потому что дверь за его спиной распахнулась, и вошел Уэллс, который благодаря офицерской форме выглядел даже выше, чем обычно. Скотт встал по стойке смирно, уставившись в пол. Кларк не смогла сдержаться и улыбнулась Уэллсу над плечом Скотта.

– Уверен, вы не отвлекаете эту девушку от ее работы, не так ли? – сурово спросил Уэллс, хотя глаза его смеялись.

– Нет, сэр! – натянутым тоном отозвался Скотт.

– Рад это слышать, охранник. Продолжайте патрулирование.

– Есть, сэр.

Пока за Скоттом не захлопнулась дверь, Кларк скрывала улыбку, а потом подошла к Уэллсу и обвила его руками. Он приподнял ее подбородок и нежно поцеловал в губы.

– Спасибо, офицер Яха.

– Всегда пожалуйста, стажер-медик Гриффин.

Кларк совершенно вымоталась. Она ничего не ела с прошлого вечера. Все продукты, найденные на месте крушения, пошли на выживших пассажиров челноков. Постепенно почти всех вновь прибывших переправили в лагерь. Кларк до последнего откладывала осмотр Скотта, но избежать этого все равно было невозможно. Когда девушка двинулась в его сторону, он сидел на бревне у края поляны и смотрел на нее.

– Я уж думал, ты никогда до меня не доберешься, – его губы сложились в подобие улыбки.

– Извини, что заставила тебя ждать, – сказала Кларк, лелея надежду, что он, может быть, не узнал ее после всех этих месяцев в Тюрем и нескольких недель на Земле.

– Все о'кей, док. Мне пришлось проделать этот длинный путь до Земли, чтобы ты наконец-то продемонстрировала мне, как умеешь бинтовать.

Сердце Кларк упало. Скотт прекрасно ее помнил, и к тому же за это время в нем ни на грош не прибавилось очарования.

– Дай я тебя осмотрю. – Кларк жестом предложила ему показать свое запястье. Он вложил свою руку в ее, и желудок девушки подпрыгнул, когда она коснулась холодной влажной кожи. Кларк осторожно покачала его руку из стороны в сторону.

– Так ты теперь настоящий доктор? – сказал Скотт. – В смысле теперь ты не позволяешь себе воротить нос во время осмотра?

– Не совсем, – ответила Кларк, не глядя на него. – Я так и не закончила учебу, но, кроме меня, тут медиков нет.

– Ну доктор ты там или не доктор, лучше бы тебе все сделать путем. – И он пошевелил пальцами. – Я, по ходу, этой рукой из пушки стреляю.

Кларк достала бинт и начала перевязывать его руку.

– Перелома нет, – как ни в чем не бывало, сказала она, надеясь поскорее закончить разговор, – но ты должен несколько дней не перенапрягать руку, чтобы отек спал. – Кларк глубоко вдохнула и посмотрела ему прямо в глаза. – Это не будет проблемой. Мы тут охотимся не с пистолетами, а с копьями и с луками.

Скотт встретил ее взгляд, и его собственные глаза заблестели. Кожа на руках Кларк покрылась мурашками.

– Я не говорил, что собираюсь стрелять *в зверье*, – холодно проговорил он. Прежде чем Кларк успела спросить, что он имеет в виду, Скотт склонил голову набок и посмотрел на нее так, что ей захотелось немедленно принять душ. – Так почему ты недоучилась?

– Потому что попала в Тюрем, – решительно заявила Кларк, не глядя на него.

– В Тюрем? *Ты?* – Он на миг замолчал, а потом заржал. – Крошка Мисс Совершенство, и вдруг в Тюрем. Хотя знаешь что? Я не против, чтобы меня лечила зэчка. Я ведь, типа, все время знал, что под хирургическим халатиком прячется дрянная девчонка. – Он понизил голос, когда мимо прошла женщина в офицерской униформе. Она разговаривала с человеком, который показался Кларк смутно знакомым. – Надеюсь, ты не забыла прихватить сюда этот халатик. Мне всегда нравилось, как ты...

– Готово, – с преувеличенным энтузиазмом сказала Кларк, завязывая бинт и чувствительно похлопывая Скотта по руке, игнорируя гримасу, которую он скорчил. – Еще увидимся.

И, не удостоив Скотта взглядом, она поспешила прочь, дрожа. Казалось, так она сможет избавиться от его тяжелого, липкого взгляда.

Глава четвертая

Уэллс

Плеться в восьмой раз за день к озеру, Уэллс морщился. В этих походах туда-сюда он уже намотал около двадцати миль, провожая выживших в лагерь и возвращаясь за новой партией.

Теперь на поляне было больше взрослых, чем подростков, и это казалось почти таким же странным, как двухголовый олень, подстреленный в первую неделю на Земле. Присутствие взрослых вызывало недоумение еще и потому, что те могли лишь шокированно и удивленно глазеть по сторонам, в то время как всем распоряжались подростки, которые лишь несколько недель назад гнили в камерах.

Еще Уэллса поражало, что вокруг происходит так мало радостных встреч. На его глазах только двое новичков нашли в лагере своих родственников, и оба они были с Феникса. Среди уолденцев и аркадийцев таких счастливицев не оказалось.

– Не могу поверить, что все позади, – запыхавшись, проговорила молодая женщина, с помощью Уэллса взбираясь на крутой склон.

– У вас была довольно жесткая посадка, – сказал юноша, принаравливаясь к ее шагам. Он оказался на Земле лишь несколько недель назад, но уже успел забыть, как нелегко ему приходилось поначалу.

– Дело не в посадке, – она остановилась и посмотрела на Уэллса. – На Фениксе... там творился какой-то ужас. – Женщина подняла глаза к небу, потом вздохнула и покачала головой. – У них там осталось не так-то много времени.

Эти слова подействовали на Уэллса как удар кулаком поддых. Но, прежде чем он успел спросить, что имеет в виду его спутница, появился Эрик, который должен был вести ее дальше. Теперь Уэллс мог вернуться обратно к озеру.

Где-то внутри Уэллса, словно сжатая пружина, сидело чувство вины. Ему не нужно было знать всех деталей, чтобы понять, что именно он, по большей части, виноват в той мрачной участи, что ждала теперь оставшихся в Колонии. Может, на Земле он и стал лидером, но дома, на корабле, он был хладнокровным убийцей. Даже сейчас он почти ощущал кончиками пальцев холодный металл вентиля шлюза. Тогда Уэллс приоткрыл шлюз, совсем чуть-чуть, так, чтобы началась утечка драгоценного кислорода. Он всего лишь пытался ускорить неизбежную отправку заключенных на Землю. Это нужно было для того, чтобы в их число попала и Кларк, которую в противном случае казнили бы в день ее восемнадцатилетия. Теперь Уэллс знал, что тем самым он приблизил гибель тысяч невинных людей, для которых Колония стала ловушкой.

Подойдя ближе к озеру, молодой человек наморщил нос от непривычного запаха, который висел над местом крушения челноков. За едкой вонью дыма и металлическими запахами крови и пота он уловил нечто новое. Уэллсу потребовалась секунда, чтобы его распознать, а потом сердце, оборвавшись, пустилось в галоп, потому что это был запах топлива, которое подтекало из разбитых челноков на траву, смешиваясь с грязью и водой. Хотя пожар, по большей части, погас, для того чтобы все кругом охватило адское пламя, хватит и одной-единственной искры.

А потом Уэллс увидел, как это произошло. Все было словно в кошмарном сне. Примерно в ста метрах от него из верхней части одного из челноков вырвался громадный столб пламени, взметнувшись в небо пылающие обломки.

– Берегись! – заорал Уэллс, бросаясь бежать. – Шевелитесь, *шевелитесь!*

К счастью, раненые оказались в стороне от эпицентра огня, но в воздухе клубилось слишком много дыма, и разглядеть, успели ли спастись другие, было невозможно. Задышавшись, кашляя и вытирая рукавом слезящиеся глаза, Уэллс мчался вперед, крича, чтобы его услышали те, кто, возможно, нуждается в помощи.

Сверху раздалось негромкое жужжание, словно по воздуху что-то летело. Уэллс задрал голову, но ничего не увидел за густым серым дымом. Звук нарастал, но, прежде чем юноша успел как-то среагировать, он оказался в воздухе, а потом с глухим стуком шлепнулся на землю. Попытавшись перевернуться, он понял, что на нем что-то лежит. Что-то или кто-то? Через мгновение вес сместился, и Уэллс со стоном огляделся. Всего в нескольких метрах от его головы валялся здоровенный кусок тлеющего фюзеляжа. Если бы Уэллс не упал, эта громадина разнесла бы его череп.

Он посмотрел в другую сторону и увидел, что над ним стоит стройная девушка, одетая в привычные со времен Колонии серые брюки и футболку. Протянув руку, она помогла Уэллсу подняться на ноги.

– Спасибо, – часто моргая, чтобы разогнать пелену перед глазами, сказал он. Когда мир вокруг стал менее расплывчатым, Уэллс разглядел нечто, приведшее его в восторг.

Перед ним стояла Гласс.

Взгляды молодых людей встретились, и на их лицах одновременно засветились широкие улыбки. Уэллс шагнул вперед, преодолевая разделяющее их расстояние, и крепко обнял лучшую подругу детства. В его мозгу пронеслась вереница ярких образов – это были воспоминания о проведенных вместе счастливых годах. Не так давно он был слишком одержим идеей отправиться вместе с Кларк на Землю, и у него просто не было времени беспокоиться о Гласс, которая сбежала с челнока перед самой его отправкой. Знакомый аромат ее волос, складывающийся из собственного запаха Гласс и искусственной отдушки используемого в Колонии шампуня, подбодрил и утешил Уэллса, словно перенес его назад, в недавние бесхитростные времена.

Когда они оба повзрослели, лишь Гласс была способна забыть, что ее лучший друг – сын Канцлера, лишь с ней он не чувствовал себя экспонатом выставки. Только с ней Уэллс мог быть незрелым, несерьезным, а порой даже бесшабашным – как в тот раз, когда он затащил ее в архив якобы посмотреть видео скучного бракосочетания каких-то особ королевской крови, хотя на самом деле намеревался увидеть запись нападения большой белой акулы на косатку. Гласс, в свою очередь, тоже не боялась предстать перед ним в дурацком виде. Все остальные видели лощеную барышню с Феникса, обладательницу безупречных манер, и только Уэллс знал, что она любит подпрыгивать под идиотскую музыку и готова хохотать, услышав упоминание об Уране, потому что название этой планеты созвучно со словом «урина».

– Не могу поверить, что это ты! – отстраняясь, чтобы посмотреть на Гласс, сказал Уэллс. – С тобой все в порядке? Я очень о тебе тревожился.

– Шутишь? Подумай, как я тревожилась *о тебе*, – отозвалась она. – Никто ведь не знал, как вы, ребята, здесь живете. С *тобой-то* все в порядке? И как тут вообще?

Когда Уэллс подумал, сколько всего должен ей рассказать, у него закружилась голова, ведь с тех пор, как они виделись в последний раз, произошло так много событий! Он поджег Райское Древо, чтобы его арестовали, сидел в Тюремке, вступил в конфликт с собственным отцом, летел на челноке с другими членами сотни и провел несколько недель на Земле в борьбе за выживание.

– Так странно... – начал он.

– На самом деле... – одновременно с ним заговорила она.

– Давай сперва ты, – сказали они хором и рассмеялись.

Потом запах дыма и гари напомнил им, где и почему они находятся, и их улыбки увяли, а объятия разжались. На кончике языка Уэллса вертелся один вопрос, и по тому, как серьезно лицо Гласс, он понял, что подруга догадывается о его мыслях. С трудом сглотнув, он собрал всю свою смелость и спросил:

– Ты что-нибудь знаешь о моем отце?

Гласс сжала губы, а ее глаза наполнились состраданием. Этот взгляд был памятен Уэллсу еще по тем кошмарным неделям, которые последовали за смертью матери. Уэллс приготовился к худшему, находя утешение в том, что, если новости окажутся ужасными, их сообщит ему не чужой человек, а Гласс.

– О нем мало говорят, – начала она мягко, но уверенно. Уэллс затаил дыхание, ожидая продолжения. – Но последнее, что мы слышали, – это то, что он в коме. – Гласс сделала паузу, чтобы он переварил информацию.

Уэллс кивнул, и в сознании возник образ лежащего в одноместной палате отца, высокая массивная фигура которого кажется хрупкой под тонкой простыней. Парень сосредоточился на том, чтобы сохранить нейтральное выражение лица, хотя слова Гласс проникали все глубже в сердце, пока не угнездились в самой укромной его части.

– Ладно, – глубоко вздохнув, проговорил он, – спасибо, что сказала.

Гласс шагнула к нему с его именем на устах, а потом снова обняла его, на этот раз – чтобы утешить. Она слишком хорошо знала своего друга, чтобы позволить ему изображать из себя стойка. Он не возражал, потому что в этом заключалось одно из самых существенных достоинств их дружбы.

Через бесконечно долгий миг их объятие разжалось. Уэллс должен был кое-что рассказать Гласс перед тем, как она окажется в лагере.

– Гласс, – начал он, – тут все несколько *иначе*, чем мы думали.

На ее лице появилось озабоченное выражение, и она спросила:

– Что не так?

Уэллс тщательно подбирал слова, но способа смягчить потрясающую, шокирующую информацию просто не существовало. Он начал тихо, чтобы никто посторонний не мог его услышать:

– Мы не одни тут. На Земле.

Прежде чем продолжить, он подождал, пока Гласс переварит сказанное. Сперва Гласс улыбнулась, явно ожидая, что продолжением будет какая-нибудь шутка. Но потом она уловила в его словах какой-то намек, и выражение ее лица изменилось.

– Уэллс, ты хочешь сказать... – начала Гласс и замолчала.

– Да. На Земле есть и другие люди. Люди, которые тут родились.

Глаза Гласс округлились.

– Что? – Она повертела головой, словно ожидая, что рожденные на Земле люди наблюдают за ней из-за деревьев. – Ты серьезно? Не может быть!

– На все сто процентов серьезно. Но это хорошо, потому что они добрые и миролюбивые. Ну, скажем так, большинство из них. Есть небольшая группа, которая откололась от основной общины около года назад, и вот они опасны. Но все остальные совсем такие же, как мы. – Тут Уэллс подумал о Саше и не смог скрыть улыбки. – На самом деле они вдохновляют. Наземники – хорошие люди, может быть, они даже лучше, чем мы. Я думаю, нам стоит многому у них научиться. Нужно только сообразить, как рассказать об этом всем остальным, никого при этом не перепугав.

Гласс по-прежнему смотрела на него, но в ее взгляде больше не было замешательства.

– Уэллс, – медленно произнесла она, и уголки ее губ приподнялись в легкой улыбке, – ты чего-то недоговариваешь.

Уэллс искоса посмотрел на нее.

– Ну да, конечно, я не все тебе рассказал. Вначале на нас напали, это был просто кошмар, начался пожар, а потом ребята стали болеть, и ты ни за что не догадаешься, что потом случилось...

– Нет, – перебила его Гласс. – Чего-то ты недоговариваешь об этих наземниках. А может, о каком-то определенном наземнике. Или о наземнице?

– Что? Вовсе нет. – Обычно Уэллсу неплохо удавалось скрывать свои чувства, но слова Гласс заставили его покраснеть.

– О, боже, – прошептала Гласс, – это девушка. *Земная* девушка. – В ее голосе в равных пропорциях смешались потрясение и восторг.

– Ты сумасшедшая. Нет никакой... – Он вдруг замолчал, улыбнулся и покачал головой. – Как ты догадалась?

Гласс сжала его руку.

– У тебя не может быть от меня секретов, Уэллс Яха. Ты просто не сможешь ничего от меня скрыть. Ты так горячо говорил, что наземники тебя *вдохновляют*... Раньше ты с таким же лицом говорил о Кларк. – Тут выражение ее собственного лица стало менее лукавым. Она нахмурилась: – А почему ты расстался с Кларк? Что случилось?

Уэллс вздохнул:

– Это долгая история, но со мной уже все хорошо, – и он улыбнулся, вспомнив, как вчера вечером его голова лежала у Саши на коленях, и они вместе смотрели на звезды. – На самом деле даже лучше, чем просто хорошо. Не могу дождаться, когда ты познакомишься с Сашей.

– Саша, – проговорила Гласс. Она выглядела слегка разочарованной от того, что имя земной девушки оказалось не слишком экзотичным. – А где она?

Прежде чем Уэллс успел ответить, к ним подошел высокий парень в униформе охранника. В одной руке он держал канистру с водой, а другая была на перевязи. При виде него лицо Гласс осветилось. Парень протянул ей канистру и подождал, пока она сделает глоток, и все это время взгляд Гласс был устремлен только на него.

– Спасибо, – сказала она, улыбнувшись, а потом снова обернулась к Уэллсу: – Уэллс, это Люк.

Уэллс обменялся с охранником крепким рукопожатием.

– Меня зовут Уэллс. Рад знакомству.

– Я тоже. Я тебя узнал, конечно же. Гласс много о тебе рассказывала. Мне действительно приятно наконец-то с тобой познакомиться, парень, – с улыбкой сказал Люк, выпустив руку Уэллса и хлопая его по плечу.

Гласс взяла Люка под руку и, сияя, переводила взгляд с одного молодого человека на другого.

Уэллс улыбнулся. Он понятия не имел, как Гласс уговарила связаться с охранником, который к тому же явно был не с Феникса, но тут все это не имело никакого значения. Добавок что-то в Люке сразу понравилось Уэллсу. Он казался надежным и искренним, в нем не было ничего от скользких парней с Феникса, с которыми раньше встречалась Гласс. Сейчас она определенно была влюблена, и это все, что нужно было знать Уэллсу.

– Добро пожаловать на Землю, – с улыбкой сказал он, делая жест в сторону неба, деревьев, озера и всего остального, и тут вдруг заметил кровь на футболке Гласс и чуть не задохнулся от этого зрелища. Может ли быть, что она ранена и не осознает этого? Он указал на кровавые пятна. – Гласс, с тобой все хорошо?

Гласс перевела взгляд на футболку и побледнела.

– Да, я в порядке, – тихо сказала она. – Это... это не моя кровь. – Люк обнял ее за плечи и притянул к себе.

Сердце Уэллса куда-то ухнуло, и он приготовился услышать страшную новость, которая, он чувствовал, должна была вот-вот вырваться на волю из темного уголка в сознании Гласс, где та пыталась ее скрыть.

Гласс глубоко вздохнула и попыталась взять себя в руки, но не смогла выдавить из себя ни слова, сморщилась и спрятала лицо в рубашке Люка. Глядя девушку по голове, он зашептал ей на ухо что-то, чего Уэллс не мог слышать.

Уэллс похолодел. Ему хотелось снова заключить свою лучшую подругу в объятия, но он осознал, что сейчас это будет не к месту, поэтому просто стоял, ожидая каких-то объяснений. Наконец Люк повернулся к нему и сказал:

– Это кровь ее матери. Она погибла.

Глава пятая

Гласс

Гласс никогда в жизни не было настолько не по себе, хотя она, девушка с Феникса, неоднократно навещала Люка на Уолдене. А еще она была дочерью человека, который взял да и бросил свою семью. А еще ей – первой за долгое время и единственной на Фениксе – совсем недавно отменили приговор. Все это не шло ни в какое сравнение с тем, что она испытывала сейчас, стоя возле костра. Хотя солнце было еще высоко, она поеживалась от холода, наблюдая за бурлящей вокруг бешеной активностью. Куда ни посмотри, всюду ребята ее возраста или даже младше занимались какими-то важными делами. Они то входили в лазарет и выходили из него, то несли воду для пациентов Кларк, то тащили прочь окровавленные заскорузлые бинты, чтобы сжечь их или закопать в лесу. Одни возвращались из леса с топорами и собственноручно нарубленными дровами, другие закладывали фундамент новой хижины. Несколько часов назад группа мрачных волонтеров направилась к озеру, чтобы начать рыть могилы для погибших, которых было слишком много, для того чтобы хоронить их в дальнем конце поляны. Да и тащить трупы в лагерь тоже резона не было.

Хотя новая партия людей стартовала из Колонии практически без подготовки, на челноках все равно были заблаговременно приготовленные припасы предметов первой необходимости. Подростки, первыми оказавшиеся на Земле, пришли от этого в восторг и вели себя так, словно им вручили ключи от Царствия Небесного. Например, одна из девушек, которым Уэллс поручил провести инвентаризацию новых поступлений, чуть не расплакалась, держа в руках молоток. Так, бывало, реагировали девчонки, откопав в Обменнике что-нибудь из ювелирки.

Гласс отчаянно хотела найти себе какое-нибудь полезное применение и чувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Она была слишком напугана даже для того, чтобы спросить, где (а еще хуже, как) тут ходят в туалет. Люка вместе с остальными охранниками представили к делу, и, хотя ему очень не хотелось покидать Гласс, они оба понимали, что сейчас не время уклоняться от выполнения своих обязанностей. Несколько девушек примерно возраста Гласс, перешептываясь, шли к костру, но, поравнявшись с Гласс, они замолчали, опасливо глядя на нее.

– Привет, – сказала Гласс, стараясь угадать, как себя вести, чтобы с самого начала прийти тут ко двору. – Я могу сделать что-то полезное?

Одна из девушек, высокая брюнетка в аккуратно обрезанных шортах, из которых выглядывали длинные, невероятно загорелые ноги, прищурилась и смерила фигуру Гласс взглядом с ног до головы.

– Ты должна была прилететь сюда с нами, я не ошибаюсь?

Гласс кивнула:

– Да, меня, как и вас, взяли из камеры предварительного заключения. – Она впервые по доброй воле призналась, что была в Тюрьме. – Но я улизнала в последний момент.

Слово «улизнала» не совсем подходило для обозначения ее отчаянного рывка на Уолден, когда она хотела найти Люка, а на кону стояли жизнь и смерть, но Гласс почувствовала, что сейчас не время для детального описания ее драматического побега.

– Ага, улизнала, о'кей, – с сильным аркадийским акцентом сказала девушка, переглядываясь с подружками. – Должно быть, хорошо иметь полезные знакомства.

Гласс прикусила губу. Ей очень хотелось найти способ донести до них, через что ей пришлось пройти, и что несколько последних недель она отнюдь не прожигала жизнь на Фениксе. Она чуть не погибла от удушья на Уолдене и едва успела на последний челнок. И

совсем недавно она видела, как умерла ее мама. При одной только мысли об этой смерти ее до сих пор захлестывает то жгучая боль, то удушливое оцепенение.

– Ты должна болтаться там же, где остальные, – несколько добрее сказала одна из девушек, махнув рукой в сторону других вновь прибывших, которые сгрудились у противоположной стороны костра и широко раскрытыми от удивления и шока глазами таращились на все вокруг.

Гласс кивнула и проводила уходящих девушек взглядом. Она прекрасно знала, что вновь прибывшие ей не обрадуются. Большинство из них видели, что она явилась на челнок вместе с Вице-канцлером Родосом и заняла место, на котором в противном случае мог бы оказаться кто-то из их друзей или родственников, против желания оставшихся в Колонии. Если бы только с ней была ее мама! У нее был особый дар везде чувствовать себя как дома. В ее присутствии и все остальные чувствовали себя так же. Может, она не лучше Гласс знала, как разжечь костер или нарубить дрова, но ее теплая улыбка и мелодичный смех были не менее ценны, чем более практичные навыки.

Гласс обхватила себя руками и посмотрела на головокружительно высокие деревья. Покачиваясь на ветру, они словно тоже смотрели на нее сверху вниз, заставляя чувствовать себя маленьким ребенком, заблудившимся среди равнодушных взрослых.

Она увидела, как из хижины-лазарета вышел Уэллс. Даже издалека ей было видно, какое мрачное у него лицо. Он взъерошил пальцами волосы и потер виски. Несмотря на то что ситуация была вовсе не простой, Гласс не смогла не улыбнуться при виде этого знакомого жеста – точно так же делал Канцлер, когда она почти каждый вечер приходила позаниматься к Уэллсу домой. Подумав об оставшемся на погибающем корабле Канцлере, Гласс ощутила, как ее захлестывает волна боли. Он никогда не увидит, чего добился на Земле его сын.

Гласс всегда знала, что Уэллс – прирожденный лидер. Ее сердце наполнялось гордостью, когда она видела, как все полагаются на ее лучшего друга, хотя и чувствовала мимолетное сожаление. Пусть это и эгоистично, но она скучала по тем дням, когда Уэллс принадлежал, в первую очередь, ей.

– Посмотри! – крикнула Гласс через плечо Уэллсу, который тащился за ней по гравитационной дорожке. Она огляделась по сторонам, желая убедиться, что тренер по фитнесу не смотрит, подбежала к панели управления, ухватила за рычаг и толкнула его на несколько делений вперед. Сразу став легче, Гласс хихикнула, оттолкнулась от пола и на миг зависла в воздухе, прежде чем медленно опуститься обратно. Согнув ноги в коленях, она еще сильнее оттолкнулась, вытянула вперед руки и замолотила ими по воздуху. – Смотри! Я плыву! – Она зажала пальцами нос и надула щеки, а потом фыркнула и рассмеялась. – Так земные дети ходили в школу во время дождя!

Уэллс, усмехаясь, подскочил к ней.

– А как насчет этого? – спросил он, тяжело дыша, и выбросил вперед левую ногу, оттолкнувшись правой, а потом поменяв руки и ноги местами. – А я иду на лыжах!

Гласс блестяще изобразила типичную древнюю жительницу Земли, заговорив забавным старушечьим голосом:

– Я просто приехала на *лыжах* в *продуктовый магазин* за *овощами*, свежайшими, только что с *деревя*, а потом поеду на своей *машине* на *пляж* устроить там *пикник*.

– Вместе с ручным медведем Фидо и моими шестью детьми, – добавил Уэллс.

Тут их обоих скрутил приступ такого громкого смеха, что тренер по фитнесу высунулся из своего кабинета.

– Что это вы, по-вашему, делаете? – принялся браниться он. – Вы же знаете, что трогать настройки гравитации запрещено.

Тренер с суровым видом двинулся к ним, но его невозможно было принимать всерьез, потому что при каждом сердитом шаге его подбрасывало в воздух. Подойдя поближе, он понял, что перед ним сын Канцлера, и его гнев тут же поумерился, сменившись той фальшивой улыбкой, с которой большинство взрослых обращались к Уэллсу, когда тот застигал их врасплох.

– Юная леди. Мистер Яха, – он огляделся по сторонам, не видать ли где-нибудь охранника. – На этот раз я не стану писать на вас рапорт, но не испытывайте больше моего терпения. Гравитационная дорожка не место для игр, вам понятно?

Кивнув, они смотрели, как тренер поворачивает обратно в свой кабинет с максимальным достоинством, на которое может быть способен то и дело зависающий в воздухе человек.

Гласс и Уэллс крепко сжали губы и пофыркивали, пока не оказались достаточно далеко от гравитационной дорожки. Когда опасений насчет того, что тренер снова может их услышать, не осталось, они расхохотались и хохотали до тех пор, пока не разболелись бока, а по их упругим детским щекам не покатались слезы.

Гласс отошла к краю поляны и присела на бревно. Если ей не удастся быть полезной, она может, по крайней мере, не путаться под ногами. Единственный факт, убеждавший ее в том, что она не пустое место, состоял в том, что Люка быстренько привлекли в личную охрану Вице-канцлера. По этой причине Гласс почти не видела любимого с момента приземления. Вот и сейчас он был на импровизированном совещании, где обсуждали охрану периметра лагеря.

На другом краю поляны Гласс снова увидела Уэллса. На этот раз он шел с девушкой, которая наверняка могла быть только Сашей. Уэллс обнял ее за плечи и поцеловал в макушку. Гласс потрясло то, каким непривычно влюбленным и ласковым выглядел сейчас ее друг, но еще сильнее поражала мысль, что эта девушка, Саша, родилась и живет *на Земле*. В голове Гласс закрутились многочисленные вопросы, которые она до сих пор и не подумала задать. Говорит ли Саша по-английски? Где она живет? Чем питается? И, что еще важнее, откуда берется ее одежда? Гласс завистливо воззрилась на Сашины обтягивающие черные брючки, вроде бы сделанные из кожи какого-то животного, и провела рукой по собственным драным перепачканным штанам.

Видеть, как Уэллс целует не Кларк, а какую-то другую девушку, было ужасно непривычно. Когда Гласс в последний раз видела своего лучшего друга, тот еще был по уши влюблен в Кларк и не мог говорить ни о чем другом. Впрочем, если она и научилась чему-то за последнюю пару недель, так это тому, что люди порой могут здорово удивить. Она даже сама себя не так давно удивила.

От этих мыслей Гласс рассмеялась, а потом покраснела и оглянулась по сторонам – не заметил ли кто, как она хихикает сама с собой. Надо будет не забыть рассказать Уэллсу о том, как она в одиночку вышла в открытый космос и совершила долгое путешествие вдоль внешней обшивки космической станции. И о том, как несколько раз пробиралась по вентиляционным коридорам с Феникса на Уолден и обратно. «Уэллс ни за что мне не поверит, – подумала Гласс, а потом поправила себя: – Вернее, не поверил бы до недавнего времени, а сейчас мы оба готовы поверить во что угодно».

Вздохнув, Гласс еще раз обвела глазами поляну. Надо найти себе какое-нибудь занятие. Взгляд остановился на хижине, в которой размещался лазарет. Призвав всю свою отвагу, Гласс через поляну направилась к ней, стараясь держаться подальше от двух парней, которые вместе тащили что-то тяжелое. Вначале она подумала, что это, наверное, один из раненых, но потом до нее дошло: то, что она вначале приняла за две тощих руки и две длинных ноги, на самом деле оказалось *четырьмя* ногами. И эти ноги покрыты не кожей, а какими-то волосами. Гласс ахнула. Это было какое-то животное! Может быть, олень. Она вздрогнула, когда

ее взгляд упал на огромные, безжизненные карие глаза, и почувствовала укол сожаления от того, что первый настоящий зверь, которого ей довелось увидеть, был мертв. Вообще, Земля оказалась совсем не такой, как ей представлялось. Тут было холодно и странно. Земля вовсе не ослепила Гласс своей красотой, казалось, что на этой планете безраздельно царит смерть.

Оторвав взгляд от мертвого животного, она подошла к лазарету, мгновение помедлила перед дверью, потом глубоко вздохнула и переступила порог. Ее сразу же ошеломило то, как разумно организована деятельность в столь маленьком пространстве. Жизнь была тут ключом: Феликс и Эрик то сновали туда-сюда с бинтами, то рылись в контейнере со всякими медицинскими банками-склянками. Октавия поила из бутылки лежащего на складной кровати парнишку примерно ее лет, к ноге которого крепился в качестве шины явно оставшийся после крушения кусок пластика. Раненые были повсюду, они лежали на койках, на полу и даже сидели возле стен. И в центре всего этого находилась Кларк, которая словно бы умудрялась оказаться в трех местах одновременно. Она инструктировала Октавию, даже не глядя в ее сторону, протягивала Эрику заостренный кусок металла, который использовался для того, чтобы резать бинты, помогала сестре пожилой женщине, щупала лоб маленькой девочки, и все это – без малейших признаков нервозности. Гласс никогда не видела такой Кларк. Та явно была тут на своем месте.

– Привет, Кларк, – сказала Гласс.

Такое приветствие, конечно, было смехотворно коротким, ведь они впервые встретились на Земле, но времени, чтобы сказать: «Привет, Кларк, надеюсь, что у тебя все хорошо, и ты не расстроена тем, что после тяжелого перелета порвала с Уэллсом. Кстати, я должна извиниться за то, что так по-скотски обращалась с тобой, когда мы были детьми», – у нее сейчас не было.

Кларк вскинула голову. На ее лице появился намек на настороженность, который тут же исчез, уступив место деловитости.

– Гласс, тебе что-нибудь нужно? Ты ранена?

Гласс постаралась не реагировать на холодный тон. Они никогда не были особенно дружны, потому что Кларк казалась ей какой-то слишком уж серьезной. Гласс чаще всего была озабочена тем, как раздобыть в Обменнике какую-нибудь симпатичную вещичку, а Кларк тем временем училась спасать жизни. Их роднили только нежная симпатия к Уэллсу и забота о его благополучии. Но сейчас любое знакомое лицо казалось Гласс лицом друга. К тому же ей нечего было терять.

– Ой, нет, прости. Со мной все в порядке. Я просто подумала, что, может, тебе нужна помощь, – запинаясь, пробормотала Гласс.

Кларк некоторое время смотрела на Гласс, словно пытаясь определить, насколько та серьезна. Наконец неловкое молчание прервалось, и Кларк сказала:

– Конечно, нужна. Чем больше рук, тем лучше.

– Отлично, – с облегчением выдохнула Гласс и принялась оглядываться по сторонам, чтобы найти себе дело. В глаза ей бросилась гора грязных металлических емкостей. – Я могу их перемыть.

Прежде чем снова повернуться к своей пациентке, Кларк кивнула и бросила через плечо:

– Это было бы здорово. Только мыть их нужно в южном ручье, а не в том, из которого мы берем питьевую воду. И не забудь вначале простерилизовать их на огне. Просто возьми палку, насади на нее посудину и сунь в костер минут на пять.

– Ясно. – Взяв из кучи несколько контейнеров и чаш, Гласс двинулась к выходу.

– Гласс, – крикнула ей вслед Кларк, – а ты знаешь, как найти южный ручей?

Гласс вспыхнула и покачала головой:

– К сожалению, нет. Я собираюсь у кого-нибудь спросить.

Кларк дала своей пациентке какие-то инструкции, тоже нагребла в охапку металлической посуды и двинулась следом за Гласс со словами:

– Я тебе покажу. Мне нужно немного проветриться.

Девушки вместе вышли наружу, шурясь от солнечного света и жадно вдыхая прохладный воздух, который так бодрил после духоты лазарета.

Идя вместе с Кларк к костру посреди лагеря, Гласс краем глаза заметила какое-то быстрое движение у кромки леса. Она вскинула голову и прищурилась. Под сенью деревьев, наполовину скрытый толстым стволом, стоял, глядя на них, высокий темноволосый парень. Слегка напуганная Гласс втянула в себя воздух и остановилась.

– Что такое? – спросила Кларк. Проследив за направлением взгляда Гласс, она тоже заметила парня.

– О нем надо кому-то сказать? – нервно поинтересовалась Гласс. – Это что, один из наземников, которые на нас охотятся?

Кларк покачала головой:

– Нет, это Беллами. Он один из нас, просто не должен сейчас тут находиться.

Гласс послышалось что-то странное в ее голосе. Может быть, беспокойство? Или страх? Сильно удивив Гласс, Кларк нахмурилась и адресовала Беллами непонятный, почти что угрожающий взгляд. Но парень лишь улыбнулся в ответ, несколько не смущенный ее серьезным выражением лица, и сделал несколько пружинящих шагов, словно бы направляясь в лагерь. Кларк тут же отрицательно покачала головой. Беллами остановился, хотя выглядел очень недовольным. Кларк что-то произнесла одними губами и замахала рукой, словно гоня парня прочь. Тот пожал плечами, насмешливо отсалютовал ей и скрылся за деревьями.

Гласс обернулась и посмотрела на Кларк, которая слегка покраснела. Гласс уже знала, что Уэллс теперь встречается с Сашей, но ей не приходило в голову, что Кларк тоже могла так быстро обзавестись новым бойфрендом. Воистину, на Земле все происходит гораздо быстрее.

– А почему ты прогнала Беллами в лес? – поддразнила Гласс. – Хочешь, чтобы он был только твой, и поэтому держишь его там? – Она сказала это, только чтобы начать разговор и заодно намекнуть, что ей известно о разрыве Кларк и Уэллса. Однако, еще не успев договорить, Гласс поняла, что это неудачное начало.

– Я его вообще *не держу*, – отрезала Кларк и бросила на Гласс знакомый взгляд. Так, бывало, она смотрела во время уроков, когда Гласс выдавала какую-нибудь глупость.

Гласс отшатнулась:

– Извини. Я не имела в виду...

Кларк, должно быть, тут же пожалела об излишней резкости. Ее лицо смягчилось:

– Нет, это ты извини, – сказала она, вздохнув. – Я была неправа. Просто... слишком много всего случилось, о чем ты пока не знаешь.

Гласс издала смешок:

– Да уж, я начинаю это понимать.

– Значит, ты знаешь про Уэллса?

– Про Уэллса и... – Гласс запнулась, опасаясь нечаянно выдать секрет своего лучшего друга.

– ...И Сашу, – закончила вместо нее Кларк.

Гласс кивнула, радуясь, что Кларк тоже в курсе.

– И как тебе это, нормально? – колебавшись, спросила она.

Кларк не успела ответить, потому что перед ними возник веснушчатый рыжеволосый парень:

– Кларк, там один мужик из новых говорит, что задыхается, и ему нужно сделать укол или что-нибудь в этом духе.

Кларк не смогла сдержать вздох.

– Он что, все это сказал? – Парень кивнул. – Если разговаривает, значит, все в порядке. Может, у него легкая форма панической атаки. Скажи, что я скоро буду.

Парень снова кивнул и умчался.

– Да, я действительно рада за Уэллса и Сашу. А насчет нас с Беллами... в смысле я знаю, не так много времени прошло, но это почти...

– Все о'кей, – с улыбкой перебила ее Гласс.

Кларк может быть сколь угодно уверена в себе и хладнокровна, выступая в качестве доктора, но разговоры о парнях повергают ее в очаровательное смущение.

Кларк, казалось, взвешивала, продолжать ей этот разговор или нет.

– Уэллс уже рассказал тебе что-нибудь о Беллами? – Гласс покачала головой. – Тогда лучше бы тебе сперва поговорить с ним.

Гласс окинула взглядом шумный лагерь и снова повернулась к Кларк.

– Я думаю, Уэллс теперь не скоро найдет время на то, чтобы со мной посплетничать. Так что случилось?

Кларк колебалась, прикусив губу.

– Да ладно, Кларк, – настаивала Гласс, слегка позабавленная тем, что, хотя они с Кларк и знакомы всю жизнь, их первый настоящий разговор состоялся на Земле. – Думаю, Уэллс не расстроится, если ты поговоришь со мной о твоём собственном бойфренде.

– Тут все несколько сложнее. – Кларк осмотрелась по сторонам, чтобы убедиться, что рядом нет посторонних ушей, и с легкой улыбкой повернулась к Гласс. – В общем, это безумие, конечно, но, что бы ты сказала, если бы узнала, что второй парень, в которого я влюбилась, оказался единокровным братом моего первого парня?

Гласс уставилась на Кларк, уверенная, что чего-то недопонимает.

– У Уэллса есть *брат*? – медленно проговорила она, уверенная, что Кларк сейчас засмеется и внесет ясность.

Но, к ее удивлению, Кларк кивнула.

– Перед тем как Канцлер женился на матери Уэллса, у него был тайный роман с матерью Беллами.

За многие годы Гласс неоднократно слышала от Кларк Гриффин сбивающие с толку вещи (чаще всего это случалось на уроках математики), но на этот раз бывшая подруга Уэллса превзошла саму себя.

– Не могу поверить!

– Я тоже вначале не могла, но так оно и есть. И это только начало.

И Кларк неправдоподобно спокойным голосом поведала, что сделал Беллами, стремясь попасть на челнок вместе со своей сестрой Октавией, и как он взял в заложники Канцлера, не зная, что это его отец. Лицо Кларк стало еще серьезнее, чем обычно, когда она рассказала о своём самом большом страхе. Ее беспокоило, что станут делать охранники, когда узнают, что именно Беллами виноват в ранении Канцлера.

– Я уговариваю его уйти из лагеря, а он сопротивляется, – сказала она странным тоном, в котором разочарование смешивалось с гордостью.

Гласс постаралась все это переварить и сделала мысленную пометку – поговорить с Люком. Может быть, ему удастся сбить других охранников со следа Беллами.

– Вау, – сказала она, качая головой, – это даже покруче, чем моя прогулка по космосу.

– Прогулка по космосу? – изумленно округлила глаза Кларк.

– Да, я выходила в открытый космос, – сказала Гласс, и в ее голове прозвучал малюсенький намек на гордость. – Иначе я не попала бы на Феникс, и тогда погибла бы я, мой бойфренд Люк и еще куча народу на Уолдене.

Девушки помолчали секунду, переваривая новости. Потом дверь лазарета открылась, и вышла Октавия.

– Кларк, – крикнула она, – подойди на секундочку.

– Иду, – отозвалась Кларк и снова повернулась к Гласс. – Я рада, что ты тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.